

РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Возможен ли национально ориентированный капитализм?

Р. С. Дзарасов

д.э.н., вед. н.с. ЦЭМИ РАН

Ruslan Dzarasov

PhD, Senior Research Fellow, Central Economics
and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences

В течение более двух пореформенных десятилетий Россия по-прежнему оказывается неспособна даже восстановить уровень экономического и социального развития советской эпохи. Апелляция к показателю ВВП, формально достигшего дореформенного уровня, выглядит малоубедительной на фоне продолжающегося упадка обрабатывающей промышленности и роста экспорта продукции низкой степени передела, беспрецедентного старения и износа основных фондов, низкого уровня жизни населения. Похоже, что зависимость от т.н. «нефтяной иглы» осуждается теперь всеми. В связи с этим все большее распространение получает представление о возможности и желательности другого капитализма, ориентированного на национальные интересы страны. Обсуждаются и главные черты искомого строя: применение элементов национального планирования, прекращение вывоза капитала за рубеж, направление прибылей из энергетического сектора экономики в обрабатывающую промышленность, укрепление обороноспособности страны, расширение социальных обязательств государства и повышение уровня жизни людей. Указываются и примеры стран, как считается, успешно применяющих подобную модель экономики: современные Китай, Индия и Бразилия, действительно сохранившие высокие темпы экономического роста даже в условиях недавнего глобального спада. Переход к этому, национально ориентированному капитализму обычно мыслится в рамках мирного, эволюционного развития, поскольку Россия «исчерпала свой лимит на революции». При этом одни надеются просто объяснить власти преимущества успешного национального развития перед национальной катастрофой, а другие – испытавшие разочарование в доброте намерений властей – стремятся вызвать массовое гражданское движение за упомянутые перемены в стране.

Автор настоящих строк сам отдал дань этим настроениям, предложив свой вариант «планово-рыночного хозяйства» для нашей страны¹. Однако в условиях перехода мировой экономики от глобального спада к «Великой стагнации» неутешительные результаты российских реформ ставят вопрос о самой возможности эффективного национального развития в условиях современного капитализма. В данной работе хотелось бы привлечь внимание российской научной общественности к препятствиям, стоящим на этом пути.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада, сделанного автором на научном семинаре «Проблемы моделирования развития производственных систем» в ЦЭМИ РАН 19 октября 2012 г.

Не разделяя некоторых положений данной статьи, редакция тем не менее считает ее публикацию необходимой, так как проблема инновационного развития экономики России чрезвычайно сложна и ее эффективное решение требует рассмотрения всех имеющихся точек зрения.

1. КАПИТАЛИЗМ И РАЗВИТИЕ

Прежде всего, следует прояснить, что понимается под самим термином «развитие». Существует большое множество трактовок этого термина в мировой науке². Автор данных строк придерживается понимания развития, восходящего к философии истории Гегеля, считавшего критерием прогресса осознание свободы. С этой точки зрения под развитием стран и народов имеется в виду обретение ими субъектности в истории, когда те, кто в прошлом был лишь пассивным объектом эксплуатации со стороны колонизаторов, не просто добиваются формальной независимости, но становятся полноправными членами мирового сообщества, достигают современного уровня материального и культурного развития, создают благоприятные условия для самореализации своих граждан.

Такое понимание истории соответствует отечественной традиции общественной мысли. Оно было выражено еще основателем русского революционного социализма Александром Герценом (см. его «Письма об изучении природы»). Под влиянием гегелевской философии он синтезировал такую ценность «западников», как права и свободы индивида со «славянофильской» идеей народности в своей теории крестьянского социализма. Герцен считал, что вне процветания нации невозможна подлинная самореализация индивида.³ Так родилось русское народничество. Связь подобной философии истории с проблемой развития подчеркивается целым рядом исследователей. Например, Теодор Шанин считает, что русская революционная мысль предвосхитила проблематику современных развивающихся стран.⁴

Как известно, народники считали успешное развитие капитализма в России невозможным, полагая, что внутренний рынок в стране слаб, а мировой – поделен между развитыми странами-колонизаторами. Марксисты полагали, что капитализм в России будет развиваться так же, как и по всему миру, создавая сам свой внутренний рынок (см., например, классическую работу В.И. Ленина раннего периода его деятельности «Развитие капитализма в России»). В дальнейшем раскол по тому же вопросу произошел уже в среде самих марксистов. Меньшевики стояли на платформе ортодоксии, считая, что русская крупная буржуазия (правые меньшевики во главе с Плехановым) или мелкая и средняя (меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым) способна осуществить переход России к капитализму.⁵ Поздний же большевизм можно понимать как своеобразное

«марксистское народничество». В самом деле, ленинская теория «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» и теория «перманентной революции» Льва Троцкого исходили из того, что в России не может утвердиться развитый капитализм. Причина виделась в том, что отечественная буржуазия не может стать «гегемоном» буржуазно-демократической революции, на что надеялись меньшевики. Как видим, проблема возможности «национально ориентированного капитализма» далеко не нова для отечественной истории и общественной мысли.

Выдвинув идею о «неравномерности развития стран в эпоху империализма» и о «слабом звене в цепи империализма» Ленин вступил в противоречие со своей собственной позицией периода спора с народничеством. Он также вступил в противоречие с «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса, в котором воспевается вклад буржуазии в развитие производительных сил, говорится, что дешевые цены это «та тяжелая артиллерия», которая «разрушает все китайские стены», принуждая все народы принять капитализм «под страхом гибели» и (в другой работе) делается вывод, что развитые страны показывают отсталым «образ их собственного будущего». Следует отметить, что под конец жизни Маркс стал сомневаться в линейном пути развития истории, задумавшись о различии между развитым и отсталым капитализмом. Источником этого переосмысления логики «Коммунистического манифеста» стало знакомство с работами русских народников, прежде всего, Николая Чернышевского.⁶

На взгляд автора, дебаты о будущем капитализма в предреволюционной России во многом предвосхитили идеи мир-системного подхода, развиваемого школами Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Андре Гюндера Франка, Джованни Арриги, Самира Амина и других. Отличительной чертой этих течений является взгляд на капитализм как на неоднородную мировую систему, развивающуюся через эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (отсталые страны). Следует подчеркнуть, что мыслители рассматриваемого направления вышли из марксизма и сохранили, хотя и в разной мере, связь с исходным мировоззрением. Автор данных строк полагает, что такие фундаментальные категории Маркса, как трудовая стоимость, прибавочная стоимость и цена производства создают незаменимую аналитическую основу для мир-системного подхода и особенно для исследования современного капитализма.

² См., например, Чешков М. Идея развития: возможность обновления // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 5, 6.

³ Malia M. Alexander Herzen and the birth of Russian socialism. 1812–1855. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961, pp. 313–318.

⁴ Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 — 1917–1922 годы / Пер. с англ. Е.М.Ковалева. – М.: Весь мир, 1997.

⁵ Тютюкин С. Меньшевизм: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2002.

⁶ Late Marx and the Russian road: Marx and 'peripheries of capitalism' / a case presented by Teodor Shanin. – London: Routledge & Kegan Paul, 1984.

Совершенно напрасно Валлерстайн думает, что Маркс создал свой «Капитал» только для анализа замкнутого, изолированного хозяйства, в то время как капитализм исторически всегда развивался как мировая система.⁷ Представляется, что Валлерстайн подсознательно ограничивается мышлением в категориях первого тома «Капитала», тогда как для осмысления мирового капитализма еще большие возможности открывают теоретические модели второго и особенно третьего томов этого бессмертного труда. Речь идет о схемах воспроизводства и о знаменитой проблеме превращения трудовой стоимости в цену производства (или проблеме трансформации в западной терминологии).

Опуская алгебраические схемы, поясним суть дела для читателей, не знакомых с предметом. Установив, что единственным источником стоимости товаров является труд, и, соответственно, что в основе прибыли лежит прибавочная стоимость, т.е. продукт неоплаченного труда рабочих, Маркс переходит к анализу макроэкономической структуры капитализма. Здесь он блестяще разрешает загадку, с которой столкнулся Давид Рикардо – если единственным источником стоимости является труд, то прибыль должна быть пропорциональна затратам труда на производство товаров. Между тем в реальности прибыль распределяется в экономике в соответствии с величиной капитала.⁸ Маркс разрешил это противоречие, проследив механизм формирования прибыли из прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость создается пропорционально труду, но распределяется пропорционально капиталу. Если в данной отрасли норма прибыли на затраченный капитал выше, то капитал перетекает в нее из менее выгодных секторов, производство расширяется, цены падают и прибыль понижается. Возникает тенденция к установлению равной прибыли на равновеликий капитал. Это означает перераспределение прибавочной стоимости между различными отраслевыми группировками капиталистов. Если трудовая стоимость товара на отраслевом уровне складывается из стоимости потребленных средств производства (c), оплаты труда рабочих (v) и прибавочной стоимости (m), то «цена производства» на межотраслевом уровне складывается из первых двух элементов плюс прибыль, соответствующая средней норме на капитал (p). Это означает, что при прочих равных условиях абсолютная величина прибыли будет тем больше, чем больше величина применяемого капитала. Это и есть превращение трудовой стоимости в цену производства, к которой тяготеет денежная цена товара.

Важнейшим выводом из сказанного является различие между трудовой стоимостью и ценой производства. Для отраслей, в которых рабочих рук применяется меньше относительно орудий труда (например, для сельского хозяйства), цена производства будет ниже, чем

трудовая стоимость. Для отраслей, в которых используется меньше рабочих относительно орудий труда (например, для промышленности), цена производства будет выше трудовой стоимости. Как видим, разница обусловлена отраслевым соотношением труда и капитала, которое Маркс называл органическим строением капитала и которое сейчас называется капиталовооруженностью труда. Отрасли с высоким органическим строением капитала располагают ценами выше трудовой стоимости, что позволяет их капиталистам присваивать часть прибавочной стоимости, созданной рабочими производств с низким органическим строением капитала. Впрочем, капиталисты последних отраслей не остаются в накладе, получая свою «законную», среднюю норму прибыли на вложенный капитал. (В накладе остаются рабочие.) Таким образом, капитализм характеризуется глубоким неравенством трудовой стоимости и цены производства, к которой, как сказано, и тяготеют реальные денежные цены.

В течение всего времени с момента появления марксизма это несоответствие стоимости и цены рассматривалось его идейными противниками как самое уязвимое место этого учения. Справедливости ради следует отметить, что проблема здесь есть. Тщательный математический анализ выявляет невозможность, исходя из предпосылок Маркса, соблюсти одновременно равенство суммы трудовых стоимостей и суммы цен производства с одной стороны, и совпадение совокупных величин прибавочной стоимости и прибыли – с другой. Это породило огромную литературу о проблеме трансформации. Однако был предложен целый ряд ее решений при соблюдении исходных предпосылок Маркса. Сегодня возрождается интерес к русской экономико-математической школе конца XIX-первой трети XX веков, которая осуществила разработку данной проблематики, внося в нее оригинальный вклад.⁹ В послевоенный период эта традиция была продолжена Пьеро Сраффой, опиравшимся на наследие Рикардо.¹⁰ По мнению автора данных строк, важным достижением Сраффы является то, что в его работе проблематика схем воспроизводства и превращения трудовой стоимости в цену производства изложена как две стороны единой теоретической модели. В результате получает более точное теоретическое обоснование мысль Маркса о том, что распределение дохода между рабочими и капиталистами, а также перераспределение доходов между различными группировками капиталистов определяет цены товаров. Однако у Сраффы, как и у тех представителей русской школы, которые близки к нему, есть такой существенный недостаток, как отказ от открытой апелляции к трудовой стоимости.

⁷ Wallerstein I. World-system analysis. An introduction. – Durham (NC, USA): Duke University Press, 2004.

⁸ Поскольку различные отрасли экономики характеризуются различным соотношением труда и капитала – например, в сельском хозяйстве работников относительно орудий труда больше, чем в промышленности – то и норма прибыли (отношение величины прибыли к стоимости капитала) на затраченный капитал должна быть разной. В сельском хозяйстве она должна быть выше, а в промышленности ниже. Между тем в английской экономике 19 в., которую наблюдал Рикардо, под действием конкуренции происходило выравнивание норм прибыли, т.к. капитал перетекал из менее доходных в более доходные отрасли.

⁹ См. работу: П. Н. Клюкин. Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX-первой трети XX вв. – М.: Институт экономики РАН, 2010. Традиция начинается с работ М. Туган-Барановского и включает такие фамилии, как Дмитриев, Борткевич, Курский, Шапошников, Харазов, Слуцкий, ранний Леонтьев и другие. П. Клюкин оспаривает бытующее на Западе мнение о том, что русские экономисты-математики выступали как простые предшественники Сраффы, показывая их оригинальный вклад.

¹⁰ Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. – М.: Юнити-Дана. 1999.

Между тем, именно разница между трудовой стоимостью и ценой является важнейшим аналитическим инструментом, позволяющим анализировать мировое хозяйство, стержень которого образуют центр-периферические отношения. Как будет показано ниже, именно применение механизма превращения трудовой стоимости в цену производства предоставляет надежную теоретическую основу для мир-системного подхода и изучения проблем развития. Трудозатратные производства с низкой капиталовооруженностью (низким органическим строением капитала) характерны для периферии мирового капитализма, тогда как капиталоемкие производства с высокой капиталовооруженностью труда (высоким органическим строением капитала) характерны для центра. Это находит свое выражение в структуре цен, которые выше трудовой стоимости для продукции развитых стран и ниже трудовой стоимости для продукции стран неразвитых. Это означает, что экономики мировой периферии вынуждены безвозмездно передавать значительную часть созданной их рабочими трудовой стоимости экономикам центра. В этом заключается сущность неэквивалентного обмена и эксплуатации периферии мирового капитализма его центром.

В свете этого механизма можно лучше понять те методы, посредством которых капитализм ограничивает развитие целых стран и регионов мира, закрепляя их положение как простого объекта истории, не допуская создания условий для реализации творческого, созидательного потенциала большей части человечества, принадлежащей к периферийным обществам. В самом деле, вы никогда не догоните в своем развитии того, кто систематически и безвозмездно располагает значительной частью вашего фонда труда. Рассмотренная модель подводит надежную теоретическую основу под мир-системный подход. Она также позволяет по-новому взглянуть на старый спор народников и марксистов. Оказывается, не так уж неправы были последние, когда говорили о принципиальной ограниченности внутреннего рынка в России при капитализме.

2. НАСАЖДЕНИЕ ОТСТАЛОСТИ

Накопление капитала центром мирового капитализма за счет безвозмездного присвоения части фонда трудовой стоимости периферии должно было неизбежно сопровождаться деградацией целых регионов мира. Именно об этом свидетельствует вся история развития мирового капитализма. Разумеется, народы-жертвы подобного мирового порядка не могли согласиться на него добровольно. Одним из распространенных либеральных мифов является представление о том, что капитализм одержал мировой триумф исключительно благодаря динамизму и инновационности, протестантской этике, бережливости и другим достоинствам этой общественной системы. Вот, однако, что пишет известный американский политолог С. Хантингтон: «Запад покорил мир не превосходством своих идей, ценностей или религии (в которые были обращены немногие члены других цивилизаций), а скорее превосходством организованного насилия и его

применением. Представители западной цивилизации часто забывают этот факт, представители не западных цивилизаций – никогда».¹¹

Именно насилие, примененное в мировых масштабах, лежало в основе успеха европейской индустриальной революции, начавшейся в конце 18 в. Выдающийся английский историк Э. Хобсбаум отмечает неразрывную связь между промышленной революцией и колониальной империей Великобритании того времени. Он считает, что «экспортные отрасли не зависели от скромных 'естественных' темпов роста внутреннего спроса какой-либо страны». Их стремительный подъем достигался «двумя основными средствами: захватом экспортных рынков ряда других стран и разрушением внутренней конкуренции в отдельных странах, т.е. политическими или полуполитическими средствами войны или колонизации».¹² Это имело далеко идущие последствия для стран, ставших объектом экспансии.

Еще в 1960-е годы большое внимание международной научной общественности привлекла концепция «развития отсталости» американского экономиста Андре Гюндера Франка.¹³ В его эпохальной работе устанавливается тот важнейший факт, что отсталость т.н. «развивающихся стран» является искусственным феноменом, т.е. носит не естественный, а рукотворный характер. Большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки к моменту вторжения в их жизнь капитализма были развитыми для своего времени обществами, обладавшими диверсифицированными экономиками и относительной социальной стабильностью. Попав в сферу колониальной эксплуатации, эти общества подвергались глубокой трансформации, которая затронула как их производительные силы, так и общественные отношения. Экономикам колоний навязывался монокультурный характер, т.е. многообразие их хозяйственной деятельности сводилось к нескольким основным трудозатратным производствам, ориентированным на потребности метрополий. Одновременно трансформировалась и социальная структура этих стран. Крестьянство лишали доступа к земле и, навязав массовую бедность, под угрозой голода создавали армию дешевого труда для трудозатратных производств. Одновременно изменялся и правящий класс колонизированных стран. В его среде возвращалась компрадорская буржуазия, выступавшая в роли посредника в эксплуатации природных и трудовых ресурсов своих стран в интересах метрополий. (В связи с этим Франк удачно назвал подобные правящие классы Латинской Америки «люмпен-буржуазией».¹⁴)

¹¹ Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. – New York: Simon and Schuster, Inc., 1997, p. 51.

¹² Hobsbawm E. Industry and empire. – Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd., 1968, p. 48.

¹³ Frank A. The development of underdevelopment // Monthly review. – 1966. – Vol. 18. – No. 4, pp. 17-31.

¹⁴ Frank A. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. – New York and London: Monthly Review Press, 1972.

Так, между 1500 г. и второй половиной 18 в., т.е. в период созревания предпосылок индустриальной революции в Великобритании, в колониальную зависимость от европейцев попали сотни миллионов людей в Африке, Северной и Южной Америке, в Азии и на Ближнем Востоке. Основу международной торговли этого периода составили поставки сырья и сельскохозяйственных продуктов из колоний в метрополию. Экономики этих регионов прошли глубокую перестройку. В них было насаждено рабство для производства нескольких товаров, таких как золото и серебро, сахар, чай, рис, индиго и др. В 18 в. сложился знаменитый треугольник английской внешней торговли. Купцы этой страны приобретали рабов в Западной Африке, продавали плантаторам в Новом Свете, Восточной Индии, Южной Америке. На вырученные средства закупали дешевые колониальные продукты для английского рынка. Наряду с колониальной торговлей, рабство сыграло важную роль в накоплении капитала, финансировавшего индустриализацию конца 18-начала 19 вв.¹⁵ Так Западная Африка превратилась в экспортную экономику, главной статьёй вывоза которой стали люди. За период с 1500 г. по 1750 г. этот регион потерял около 100 млн чел.¹⁶ В это число входят погибшие в войнах за массовый захват людей, умершие при транспортировке в Новый Свет и обращенные там в рабство.

При этом до начала 19 в. такие крупные страны Азии, как Индия и Китай оставались вне сферы колониального

закабаления, т.к. имели армии, сопоставимые по силе с европейскими. Однако с началом промышленной революции в Европе военные возможности колонизаторов резко возросли. Индия стала колонией Великобритании, а Китай подвергся разделу на части соперничавшими державами.

Индия 19 в. демонстрирует классический образец колониального развития. Два принципиальных инструмента, обеспечивших власть заокеанской метрополии над экономикой страны, это строительство инфраструктуры и внешний долг. В течение 19 в. за счет заемного английского капитала в стране были построены современные порты и сеть железных дорог. Они обеспечили вывоз дешевых сырьевых товаров из страны и поставку на местный рынок дорогой промышленной продукции метрополии. У Англии возник систематический дефицит торгового баланса с Индией. Однако заработанную валюту колония была вынуждена переводить в метрополию в счет уплаты внешнего долга. В результате роста производства на экспорт юг страны был полностью трансформирован в плантационную систему, подобную насажденной Испанией и Португалией в Латинской Америке. Индия стала поставлять в метрополию хлопок-сырец, чай, рис, пшеницу и некоторые другие товары. Местные феодалы превратились в экспорт-ориентированных плантаторов.

¹⁵ Williams E. Capitalism and slavery. – Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1994.

¹⁶ Frank A. Dependent accumulation and underdevelopment. – London: The Macmillan press ltd, 1978, p. 20.

Однако результаты этого развития для населения страны оказались просто катастрофическими. В Индии произошел скачок голода, от которого в 1800–1850 гг. умерло 1.4 млн чел., а в 1875–1900 гг. уже 15 млн чел.¹⁷ Эта трагедия совершенно необъяснима с позиций либерального мировоззрения. В самом деле, страна преобразовалась на рыночно-капиталистической основе, получила современную по тем временам инфраструктуру и глубоко интегрировалась в мировую экономику. Казалось бы, это пример прогрессивного развития, обеспеченного капитализмом. Однако следует помнить о перераспределении стоимости по силе капитала в буржуазном обществе. Значительная часть ресурсов, которые ранее были заняты в производстве продовольствия для собственного населения, оказались теперь переориентированы на производство экспортной продукции. Если бы внешняя торговля осуществлялась на взаимовыгодной основе, то Индия располагала бы теперь валютными доходами, позволявшими ей приобрести недостающие продукты питания в соседних странах. Однако через занижение цен на ее продукцию и механизм внешнего долга Индия была вынуждена безвозмездно передавать метрополии значительную часть своего фонда труда. Именно поэтому она не могла более ни

произвести продукты питания в должном количестве, ни приобрести их. Это и привело к усилению массового голода. Он является только частью той огромной человеческой цены, которая уплачена за подъем английского капитализма. Таким образом, трагедия Индии является эмпирическим подтверждением глубокой научной достоверности теории превращения трудовой стоимости в цену производства. Не менее значима с этой точки зрения история Нового Света.

Здесь наблюдался следующий парадокс. Будучи наделен плодородными почвами, теплым климатом и значительными запасами полезных ископаемых, юг Северной Америки с точки зрения природно-климатических условий обладал гораздо большим потенциалом для экономического роста, чем Северо-Восток. Однако вплоть до второй половины 20 в. юг США оставался отсталым регионом, зависимым от севера страны, где происходило интенсивное накопление капитала и промышленное развитие.¹⁸ Этот парадокс, также как и горькая судьба Индии, объясняется с позиций трудовой теории стоимости. Именно из-за своих благоприятных природных условий южные штаты были включены в систему колониальной эксплуатации. Все земли здесь были захвачены плантаторами для производства хлопка на экспорт в Великобританию. Поскольку здесь наблюдался дефицит свободной рабочей силы, то была сделана ставка на крайнюю форму принудительного труда – рабство. Однако поскольку колониальная продукция поставляется в метрополию по ценам ниже трудовой стоимости, то накопление капитала для индустриализации на юге было подорвано изначально. (Это не мешало, впрочем, плантаторам накапливать личное богатство и наслаждаться уровнем жизни, не уступавшим роскоши их заокеанских партнеров.) С другой стороны, северо-восточные штаты с центром в Нью-Йорке, не располагая соответствующими природными преимуществами, обладали гораздо более значимыми социальными позициями.

Дело в том, что эти штаты, особенно после обретения независимости от Великобритании, стали посредником в эксплуатации людских и природных ресурсов Нового Света в интересах европейских метрополий.¹⁹ В реальности, этот регион с центром в Нью-Йорке сам стал местной метрополией, через которую происходила вся торговля юга с Европой, поставка сюда рабов, промышленной продукции, продуктов питания и т.д. Стремительно богатевший Север быстро опередил Юг в промышленном развитии. Поскольку земли северо-востока не годились для производства экспортной продукции, то они в значительной мере оставались свободны. Именно поэтому рабочие северных предприятий могли бросить работу и заняться фермерством. В силу этого собственники предприятий были вынуждены платить высокую заработную плату, что побуждало внедрять передовые, трудосберегающие технологии. Таким образом, основой промышленного развития севера США стало получение части фонда трудовой стоимости, безвозмездно передаваемого югом страны и другими регионами Северной и Южной Америки европейским метрополиям.

¹⁷ Ibid., p. 90.

¹⁸ Dowd D. A comparative analysis of economic development in the American West and South // The journal of economic history. – 1956. – Vol. 16. – No. 4 (December), pp. 558-574.

¹⁹ Frank A. Dependent accumulation and underdevelopment. – London: The Macmillan press ltd., 1978, p. 61.

Принципиально по тому же пути зависимого развития, по которому шли в 19 в. Индия, классическая колониальная страна Азии, и Египет, классическая колониальная страна Ближнего Востока, пошла и Россия после крестьянской реформы 1861 г. Суть царской стратегии индустриализации хорошо выразил российский министр финансов Вышнеградский, провозгласивший: «сами недоедим, но вывезем!». (Недоедало, разумеется, крестьянство.) Основная ставка делалась на привлечение иностранного капитала при сохранении архаичных форм помещичьего землевладения и самодержавия. С этой целью крестьянство принуждалось продавать хлеб по низким ценам. На доходы от продажи хлеба по бросовым ценам на европейском рынке (на котором приходилось конкурировать с дешевым американским и аргентинским зерном), царское правительство закупало золото и серебро, обеспечивая знаменитый золотой рубль Витте. Иностранный капитал, создававший предприятия в России, вывозил прибыли в золотых рублях. К этому надо прибавить огромные государственные внешние займы правительства под грабительские проценты. Строительство железных дорог, развитие добычи угля и руды, металлургия, лесная промышленность и отдельные предприятия машиностроения развивались с опорой на иностранный капитал за счет систематического ограбления крестьянства. В результате, с одной стороны, происходило сказочное обогащение иностранного капитала и его российских приспешников, а с другой – стремительное разорение российского крестьянства и обнищание рабочих.²⁰

Трансформация коснулась и российского правящего класса. Крупный петербургский промышленно-банковский капитал рос на посредничестве в эксплуатации своей страны, зависел от самодержавия и никак не мог выполнить ту роль лидера модернизации, которую возлагали на него правые меньшевики. Справедливости ради отметим, что в России этого периода был и национально ориентированный капитал. Он был представлен, прежде всего, московскими купцами и промышленниками, а также земскими элементами в других регионах страны. Однако он оставался зависимым от тарифной политики самодержавия, косным и реакционным, так и не сумел стать значимой национальной силой, оказать самостоятельное влияние на развитие страны.²¹

Естественно, что отставание России от ее западных соперников на этом пути не только не удавалось преодолеть, но наоборот, оно увеличивалось! Подушевой национальный доход, исчисленный в постоянных ценах, в 1861 г. был выше, чем в России, в Великобритании в 4,5,

в США в 6,3, в Германии в 2,5, во Франции в 2,1 раза; в 1913 г. эта разница достигла 4,9, 8,7, 3,1 и 2,5 раз соответственно.²² Несмотря на то, что Россия обладала наибольшим населением, территорией и запасами полезных ископаемых в этой группе стран, ее доля в их совокупном промышленном производстве составляла лишь 4,2 % в начале XX в.²³ При такой отсталости русской промышленности ничего удивительного, что Россия потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне.²⁴ Эти факты имеют только одно логически приемлемое объяснение – так же как и большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, Россия пошла по пути зависимого капитализма, на котором самостоятельное развитие принципиально исключено. Народники были первыми, кто почувствовал это и попытался теоретически осмыслить, хотя полноценное объяснение данного феномена возможно только с марксистских позиций.

Следует признать, что одной из почти не известных российской общественности страниц мировой истории является та дорогая цена, которой обошелся человечеству экономический подъем капитализма. Между тем, как отмечает индийский историк, «преимущества, которые пожинали европейские правящие классы и их коллеги из других частей света в торговле, территориальной экспансии и накоплении, были достигнуты за счет страданий миллионов людей в Европе, двух Америках, Африке и Азии. Эти страдания были навязаны (курсив мой – Р. Д.) людям в ходе мобилизации обездоленного и очень часто принудительного и несвободного труда для накопления капитала и шли рука об руку с пролетаризацией европейского труда во имя той же цели».²⁵

Таким образом, история мирового капитализма свидетельствует, что исходное условие развития – наличие отсталости – силой навязывается странам, попавшим в зависимое положение. Механизм насаждения отсталости состоит в трансформации производительных сил – через внедрение трудозатратных технологий – и производственных отношений – через пауперизацию населения и воспитание компраторского правящего класса, выступающего как посредник в эксплуатации трудящихся своей страны в интересах иностранного капитала. Результатом этой стратегии является концентрация в т.н. развитых странах производств с высокой добавленной стоимостью, обеспечиваемых дешевыми поставками трудоемких товаров с периферии. Именно трудовая теория стоимости вскрывает сущность этого процесса – безвозмездную передачу значительной доли фонда труда зависимых обществ центру мирового капитализма.

²⁰ Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и мирсистема. – М.: Ультра. Культура, 2004, сс. 318-404; Ляшенко П. История народного хозяйства СССР, 4-е изд., т. 1-2, М.: 1956.

²¹ Owen Th. Capitalism and politics in Russia: a social history of the Moscow merchants, 1855 – 1905. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

²² Gregory P. Russian National Income, 1885-1913. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 155-157.

²³ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. – М.: Междуна отношения, 1994, с. 17.

²⁴ Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. – М.: Издательство «Дело», 2003.

²⁵ Bagchi A. Perilous passage. Mankind and the global ascendancy of capital. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield publishers Inc., 2008, pp. XIV-XV.

3. «ВЕЛИКАЯ СТАГНАЦИЯ»

Эксплуатация мировой периферии со стороны центра мирового капитализма достигла в последние десятилетия своего апогея за всю человеческую историю. Выражением этого стало доминирование финансово-спекулятивного капитала над промышленным, мировой кризис, перешедший в «Великую стагнацию» последних лет.

Рубежом, разделившим послевоенный подъем капитализма и движение к сегодняшнему кризису, стала «стагфляция» 1970-х годов. Именно тогда восстановление экономик Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции в такой степени, что началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство.²⁶ Произошло не что иное, как перенакопление производительного капитала. Оно является относительным – товары нужны людям, но они не могут их купить. Стагфляция стала результатом ограничений, накладываемых на рост капиталистической экономики эксплуатацией труда.

Страны развитого капитализма отреагировали на кризис изменением самой модели крупного бизнеса. Считается, что на рубеже 20 в. в США произошла «революция управляющих», обеспечившая определенную самостоятельность менеджмента от собственников американских корпораций. Сложность управления крупным бизнесом и распыление акций среди множества мелких собственников привели к тому, что менеджеры стали относительно самостоятельны в оперативном управлении компаниями. Считается, что, ориентируясь на укрепление долгосрочных позиций компаний на рынке, управленцы обеспечивали долгосрочные инвестиции корпораций.²⁷ Все это изменила стагфляция 1970-х гг.

В 1980-е годы по американской экономике прокатилась волна слияний и поглощений. Враждебные поглощения сплошь и рядом осуществлялись на заемные средства. Это требовало безжалостной «реструктуризации» компаний, т.е. распродажи части активов и увольнение рабочих, чтобы расплатиться с долгом. Все это

обосновывалось необходимостью защитить права акционеров, которые, якобы, нарушались неподконтрольным менеджментом. Во многих случаях, действительно, в результате реструктуризации компаний происходил рост стоимости их акций. Однако «во многих случаях повышение доходности достигалось только путем получения уступок от поставщиков или потребителей, сокращения величины уплачиваемых налогов, урезания заработной платы и сокращения персонала белых воротничков».²⁸ Вместо поддержания долгосрочного роста, американские корпорации стали сокращать занятость и инвестиции, направляя все большую долю прибыли на выплату дивидендов.

Таким образом, в условиях устойчивого падения прибыльности в производственном секторе модель корпоративного управления в американском бизнесе фундаментально изменилась. Произошел сдвиг корпоративной власти от менеджеров к акционерам, преодолевшим традиционное отделение собственности от управления.

Важнейшим последствием «контрреволюции акционеров» стала смена приоритетов американского бизнеса. Максимизация стоимости акционерного капитала сменила долгосрочный рост как главную цель американских корпораций.²⁹ В новых условиях Уолл-Стрит (точнее его инвестиционные банки и фонды) приобрел огромную власть над корпоративной Америкой, преобразуя ее по своему образу и подобию. Антропологическое исследование финансовых структур США³⁰ обнаружило доминирование агрессивной культуры, характеризующейся жесткой иерархичностью, сегрегацией по принципам расы и пола, репрессивным характером. На Уолл-Стрит господствует крайне неустойчивая занятость, стимулирующая извлечение краткосрочной прибыли. Контроль финансовых структур способствовал утверждению ориентации на максимизацию текущих доходов акционеров и, соответственно, краткосрочности временной ориентации американских корпораций.

²⁶ Brenner R. The boom and the bubble. The US and the world economy. – London, New York: Verso, 2003, pp. 7-47.

²⁷ Eichner A. The megacorp and oligopoly: micro foundations of macro dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

²⁸ Blair M. Financial restructuring and the debate about corporate governance / Blair M. (ed.), The deal decade. What takeovers and leveraged buyouts mean for the corporate governance. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1993, p. 5.

²⁹ Lazonick W. and M. O'Sullivan. Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // Economy and society. – 2000. – Vol. 29. – No. 1, pp. 13-35.

³⁰ Ho K. Liquidated. An ethnography of Wall Street. – Durham and London: Duke University Press, 2009.

Данные свидетельствуют, что чистые выплаты дивидендов нефинансовыми корпорациями США увеличились с 38 млрд долл. в 1979 г. до 584 млрд долл. в 2006 г. (3-й квартал).³¹ Еще более показателен рост обратного выкупа акций в том же секторе американских корпораций. Поскольку эффективность американского менеджмента оценивается акционерами теперь по единственному критерию – росту стоимости акций – то управленцы широко применяют манипуляции с этим показателем для получения более высоких годовых бонусов. В частности, они приобретают акции своих же компаний за счет прибыли корпораций. Чистый обратный выкуп акций, практически равный нулю до начала 1980-х годов, в 2007 г. (4-й квартал) превысил 1 трлн долл.³² Чистые выплаты дивидендов и чистый обратный выкуп акций нефинансовых корпораций США, взятый как процент от внутренне накапливаемых фондов этого сектора, колебавшийся до 1980-х гг. около 20 %, достиг в 2007 г. (4-й квартал) абсурдной цифры в 160 %.³³ В результате резко снизились инвестиции американских корпораций в производственные мощности. Если в 1960 – 1970-е гг. чистые дивиденды корпоративного сектора США колебались около половины от величины инвестиций в основной капитал, то в 2000-гг. превысили их вдвое.³⁴ Итогом стало изменение самой структуры капитала американского крупного бизнеса. Сегодня более половины активов нефинансовых корпораций США составляют финансовые активы.³⁵ Это важнейший показатель финансовализации, т.е. замещения производственного капитала финансовым.

По-существу современный капитализм сместил акцент в своей деятельности с созидательной, производственной деятельности к финансово-паразитической. На пике финансовализации в 2007 г. сумма капитализации рынков акций, долговых обязательств и банковских активов превышала мировой ВВП в 4,4 раза, а теневой рынок деривативов достиг почти 600 трлн долл., что в 11 (!) раз превышало тот же показатель.³⁶ Столь значительное разбухание финансово-спекулятивного пузыря объясняется тем, что он подключает дополнительные источники повышения прибыли плюс к прибавочной стоимости. Произошел буквально взрыв самых разнообразных форм жизни в кредит, включавший потребительскую задолжен-

ность всех видов, студенческие займы, автомобильные займы, долги по кредитным карточкам и, конечно же, ипотечное кредитование. Благодаря этому финансовым структурам удалось взять под контроль малейшие виды доходов среднего класса и значительной части бедноты как в развитых, так и в развивающихся странах.³⁷ По-существу, осуществляя т.н. секьюритизацию долговых обязательств,³⁸ финансовый капитал претендует на право распоряжаться уже не только текущим, но и будущим трудовым доходом. Присвоение трудовых доходов людей является дополнительным источником накопления капитала в современных условиях, отчасти компенсирующим падение прибыли в реальном секторе экономики.

Финансиализация стала главной предпосылкой глобального переноса материального производства из развитых стран, прежде всего из США, в регионы с низкой оплатой труда.³⁹ В результате деиндустриализации развитых капиталистических стран, прежде всего США, произошло шоковое расширение мирового рынка рабочей силы. В 1990-е гг. полтора миллиарда новых рабочих из Китая, Индии и республик бывшего СССР пополнили мировой рынок труда, удвоив его.⁴⁰ В результате произошла бурная индустриализация ряда периферийных государств и доля промышленной продукции в экспорте периферии выросла с 20 % в 1980 г. до 80 % в 2003 г.⁴¹ Казалось бы, это свидетельствует о преодолении этими странами своей социально-экономической отсталости от развитых стран. Чтобы понять, насколько такой вывод был бы преждевременным, надо присмотреться к механизму этого разделения труда.

Как отмечает исследователь, «правительства и многонациональные корпорации продвигали новую систему [мировой торговли], используя привычный язык свободной торговли, и утверждали, что их целью является создание глобального рынка. Однако действительной целью скорее было не развитие традиционного обмена товарами, а формирование глобальной зоны производства, в рамках которой корпорации могли бы создать плацдармы экспорта для снабжения рынков развитых стран». ⁴² Этот процесс отражает теория «цепочек стоимости». ⁴³ Их суть состоит в том, что ТНК разбивают процесс производства на отдельные звенья, в соответствии с создаваемой величиной добавленной стоимости.

³¹ Federal Reserve Bank, Flow of Funds Tables, 08 March 2012, Table F 102 'Nonfinancial Corporate Business' (Row 3).

³² Federal Reserve Bank, Flow of Funds Tables, 08 March 2012, Table F 102 'Nonfinancial Corporate Business' (Row 39). Чистый обратный выкуп акций исчисляется как чистый отрицательный выпуск акций корпораций.

³³ Рассчитано по данным: Federal Reserve Bank, Flow of Funds Tables, 08 March 2012, Table F 102 'Nonfinancial Corporate Business' (Rows 3, 5 and 39).

³⁴ Рассчитано по данным: Bureau of Economic Analysis, Integrated Macroeconomic Accounts for the United States, Table S.5.q Nonfinancial Corporate Business, March 13, 2012.

³⁵ Рассчитано по данным: Federal Reserve Bank, Flow of Funds Tables, 08 March 2012, Table B 102 'Nonfinancial Corporate Business' (Rows 2 and 6).

³⁶ Birch K. and V. Mykhnenko. Introduction / Birch K. and V. Mykhnenko (eds.). The rise and fall of neoliberalism. The collapse of an economic order? – London, New York: Zed books, 2010, p.13. Деривативы страхуют те или иные финансовые обязательства. В отличие обычных страховых полисов их может покупать не только владелец страхуемого актива, но и любой желающий. Они продаются, покупаются и котируются наряду с другими ценными бумагами. Распространение деривативов объясняется размахом спекуляций на данном рынке.

³⁷ Там же.

³⁸ Секьюритизация (от англ. securities – ценные бумаги) долгов это выпуск ценных бумаг под залог чьих-то долговых обязательств.

³⁹ Dicken P. Global shift: reshaping the global economic map in the 21-st century. – London etc.: SAGE publications inc., 2003.

⁴⁰ Freeman R. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // The Globalist. – 2010. – 5 March, <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542>.

⁴¹ Blecker R. & Razami A. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? // American University, Department of Economics, WP 2006-06, p. 45.

⁴² Palley Th. The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics, Bard College. – WP N. 675. – 2011. – July, p. 9.

⁴³ Bair J. (ed.). Frontiers of commodity chain research. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

Вот почему, начиная с 1980-х гг., происходит систематическое падение загрузки производственных мощностей в центре мирового капитализма⁴⁸ и по всему миру. Темпы роста мирового ВВП в реальном выражении неуклонно снижаются, что ведет к дальнейшему падению чистых прибылей корпораций и мировых производственных инвестиций.⁴⁹ Возникает порочный круг, когда снижение эффективности капитализма временно преодолевают за счет усиления эксплуатации периферии, что еще больше подрывает эффективность капитализма. Именно эта зловещая логика капитала и лежит в основе современного мирового экономического кризиса.

Из сказанного следует, что ответом капитализма центра на кризис его послевоенной модели развития стало резкое усиление эксплуатации периферии. Формирование глобальных цепочек производства свидетельствует об увеличении фонда трудовой стоимости периферии, безвозмездно присваиваемого центром. Только на этой основе и может существовать финансируемый капитализм. Паразитический, финансово-спекулятивный капитал, возглавляющий мировой капитализм, существуя, занят присвоением и перераспределением прибавочной стоимости в мировом хозяйстве в пользу его центра. Кризис в таких условиях является кризисом всей системы в целом, а не той или иной его отдельной части, т.е. охватывает противоречивый симбиоз центра и периферии, взятых в их единстве. Именно на этом фоне теснейшей взаимозависимости стран на основе их глубочайшего неравенства и надо рассматривать современные проблемы развития.

4. ЛОВУШКА «РАЗВИТИЯ»

В качестве довода против теории зависимого развития обычно ссылаются на экономический подъем Юго-Восточной Азии. Вот что пишет, например, известный теоретик американского неоконсерватизма Френсис Фукуяма: «Азиатское послевоенное экономическое чудо показывает, что капитализм это путь экономического развития, который потенциально доступен всем странам». Более того, «развитые промышленные державы неспособны заблокировать развитие опоздавшей страны», но только при том важном условии, что она «играет по правилам экономического либерализма (курсив мой – Р.Д.)».⁵⁰ Как эти правила обеспечивают насаждение отсталости, показано выше. «Азиатскую модель» также следует обсуждать в контексте реальных правил капитализма, а не их идеологического антуража.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что она является ярким примером т.н. «развития по приглашению».⁵¹ После Второй мировой войны США потребовалось построить в Азии санитарный кордон по периметру стран, в которых к власти пришли коммунистические партии. Вот почему США создали условия для возрождения экономик Японии, а затем и Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и

Сингапура. Решающую роль в этом сыграло открытие американского рынка для экспорта, разумеется, трудоемкой продукции из этих стран. В 1970-е гг. США использовали исторический шанс закрепить раскол между КНР и СССР, поощряя китайские реформы путем все того же допуска на свой рынок на тех же условиях. Таким образом, блестящая витрина азиатского капитализма создана под гнетом жестких потребностей «холодной войны». Именно поэтому следует более внимательно присмотреться к тому, что скрывает эта витрина.

Природа «азиатского чуда» хорошо отражена в знаменитой модели «летающих гусей» американского экономиста японского происхождения Терутомо Озавы. Обратимся к рис. 1. Модель отражает технологическую иерархию азиатских экономик, в которой, как в гусиной стае, есть ведущие и ведомые. Озава показывает в своих работах, что в послевоенный период Япония за несколько десятилетий прошла весь путь промышленного развития западных стран от трудозатратных производств, таких как сельское хозяйство и текстильная промышленность, до современных наукоемких и информационных технологий.⁵² Каждая новая ступень развития характеризовалась большей капиталовооруженностью труда и, соответственно, большей величиной добавленной стоимости. При этом менее капиталоемкие процессы переносились в другие страны, например в Южную Корею. Эти страны второго порядка, принимая новые производства, которые становились уже не интересны Японии, в свою очередь переносили более примитивные технологии в другие, еще менее развитые страны. По мере передачи сверху вниз все новых технологий, не интересных для лидеров, к «гусиному клину» присоединялись новые участники регионального тандема. Озава считает, что этим доказывалась возможность всех участников капиталистического рынка добиться экономического прогресса. Присмотримся, однако, к его модели более внимательно.

Важно отметить, что в регионе реализованы глобальные цепочки стоимости. На рисунке можно видеть, что ведущие страны осуществляют инвестиции именно в *трудозатратные* производства стран по величине капиталовооруженности труда (органическому строению капитала Маркса) и строго соответствующей иерархии величин добавленной стоимости. Лидеры перемещают звенья производства с большими затратами труда в более бедные страны, сосредотачиваясь на более выгодных звеньях в цепочке стоимости.

Модель Озавы это не что иное, как яркое эмпирическое проявление превращения трудовой стоимости в цену производства Маркса. Вниз идут потоки капитала, вверх – потоки созданной стоимости. Прибавочная стоимость создается на нижних этапах этой иерархии, а присваивается на высших, но в строгом соответствии с занимаемым положением. Обратите внимание на то, что за 60 последних лет, которые отражает модель, никто из участников тандема никого не только не переогнал, но даже не догнал.

⁴⁸ Mohun S. Aggregate capital productivity in the US economy, 1964–2001 // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33, p. 1032.

⁴⁹ Brenner R. What is good for Goldman Sachs is good for America. The origins of the present crisis. – Los Angeles: Center for Social Theory and Comparative History UCLA, 2009, p. 8.

⁵⁰ Fukuyama F. The end of history and the last man. – New York: Free Press, 2006, p. 103.

⁵¹ Wallerstein I. The capitalist world-economy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979, ch. IV; Arrighi G. The long twentieth century. Money, power and the origins of our times. – London, New York: Verso, 2010, p. 354.

⁵² Ozawa T. The rise of Asia. The “flying geese” theory of tandem growth and regional agglomeration. – Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2009, pp. 43-103.

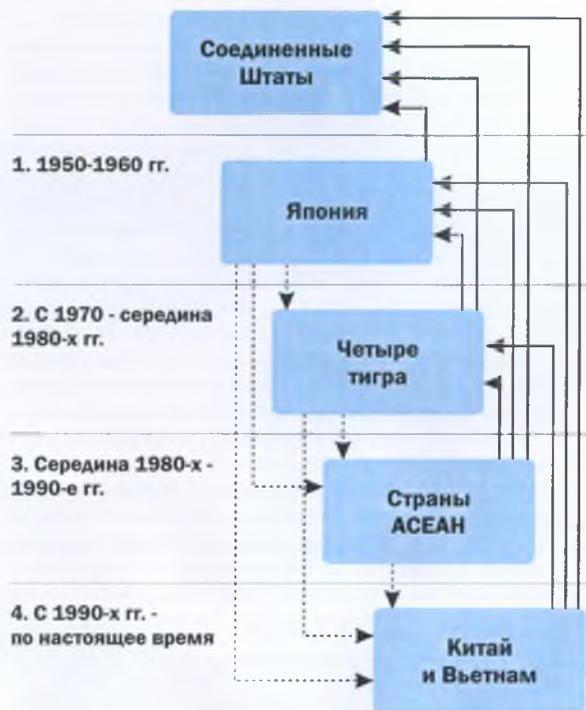

Рис. 1. Модель «летающих гусей» Терутомо Озавы
 Источник: Ozawa T. The rise of Asia. The "flying geese" theory of tandem growth and regional agglomeration. – Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2009, p. 79.

Новый участник может пристроиться внизу только тогда, когда лидер соизволит отказаться от очередного технологического уклада, ставшего «неинтересным». Стоит подчеркнуть и то, что главным бенефициаром являются США – лидер центра мирового капитализма. Именно из Азии приходит большая часть товаров, своей дешевизной гарантирующих стабильность американской денежной системы (см. табл. 1). Это объясняется тем, что платой за вхождение в тандем является безвозмездная передача вышестоящим членам части своего фонда труда. Такой механизм надежно фиксирует положение лидеров, оставляя нижестоящим только надежду поживиться за счет новичков.

Нетрудно заметить, что главная страна, воплощающая достоинства национально ориентированного капитализма в глазах россиян – Китай – занимает далеко не самое почетное место в тандеме. Да, Китай развивался в последние десятилетия беспрецедентно высокими темпами и вышел на второе место в мире после США по величине ВВП. Однако сказанное выше о стоимостном измерении отношений центра и периферии мирового капитализма означает, что понятия роста становятся весьма двусмысленны, а порою даже просто обманчивы. Именно Китай демонстрирует это ярче всего.

Как показано выше, включенность экспортных производств периферии в глобальные цепочки стоимости означает их отрыв от национального процесса воспроиз-

водства и включение в воспроизводственные процессы других стран на неравных и ущербных условиях. Данные табл. 1 (см. выше), выражающие безвозмездное присвоение трудовой стоимости периферии американским капиталом, отражают, главным образом, вклад Китая. Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц не согласен, когда «Алану Гринспену часто воздают хвалу за эпоху низкой инфляции». В действительности, – считает он, – «тот факт, что Китай снабжал мир промышленными товарами по низким и даже падающим ценам, был одним из решающих факторов» низких цен.⁵³ Какова цена этого вклада Китая в стабильность США показывает анализ производства такого популярного изделия, как ай-фон. Обратимся к таблице 3.

Ай-фон разрабатывается американской фирмой «Эппл», его узлы и детали выпускаются различными японскими, корейскими, немецкими, американскими и прочими фирмами, а окончательная сборка изделия происходит в Китае на заводах корейской компании «Фокскон». Как видно из данных табл. 3, в 2008 г. – в разгар мирового кризиса – цена изделия была снижена в США на 100 долл., что позволило сохранить рынок. При этом, удельная прибыль продукта для фирмы «Эппл» не только не упала, но даже возросла до фантастических 65 % от продажной цены! Секрет этого успеха в заметном снижении удельных издержек, достигнутого за счет девальвации китайской валюты. В 2009 г. из 500 долл., по которым изделие продавалось на американском рынке, прибыль фирмы «Эппл» составляла 321,4 долл. Китайскому сборщику платили 178,96 долл. Читатель может подумать, что это, все таки, тоже неплохо, и ошибется. Дело в том, что на долю Китая из этой суммы приходилось лишь 6,5 долл.! Остальная часть суммы уплачивалась поставщикам комплектующих деталей.

Рассмотренная цепочка стоимости, также как и все остальные глобальные сети, паразитирует на сверхэксплуатации труда самого нижнего, периферийного участника. В частности, на заводах «Фокскон», спроектированных специально с широким применением ручного труда, рабочие трудятся по 12 - 16 часов в день при 1 - 2 выходных в месяц и регулярными вторыми сменами. Вызванная невыносимыми условиями труда эпидемия самоубийств привлекла скандальное внимание к этим предприятиям.⁵⁴

Перед нами классическая цепочка стоимости, добавленная стоимость в которой распределяется между лидером, промежуточными странами и периферией мирового капитализма строго в соответствии с положением каждого участника тандема в иерархии. Следует задаться вопросом: в этих условиях рост производства ай-фонов это рост чьей экономики?

Доходность производства iPhone

Таблица 3

	2007	2008	2009
Цена единицы продукции	US\$600	US\$500	US\$500
Удельные издержки производства	US\$229	US\$174,33	US\$178,96
Удельная прибыль	US\$371	US\$325,67	US\$321,04
Удельная прибыль (%)	62	65	64

Источник: Xing Y. and N. Detert, 2010, How iPhone Widens the United States Trade Deficit with the People's Republic of China, Asian Development Bank Institute, Working Paper No. 257, December (Paper revised May 2011), p. 7.

⁵³ Stiglitz J. Freefall. America, free markets, and the sinking of the world economy. – New York, London: W.W. Norton & Company, p. 303.

⁵⁴ Apple, accustomed to profits and praise faces outcry for labor practices at Chinese factories / Democracynow.org. – 2012. – February 10, http://www.democracynow.org/2012/2/10/apple_accustomed_to_profits_and_praise

Рис. 2. Обобщенное представление азиатской производственной сети.

Источник: Palley Th. The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics, Bard College. – WP N. 675. – 2011. – July, p. 15.

На взгляд автора, это рост, прежде всего и главным образом, американской экономики, точнее даже ее финансово-спекулятивного капитала. Во вторую очередь это рост экономики поставщиков деталей. И только в третью очередь и в самой меньшей степени это рост экономики Китая. Между тем, на таких условиях организована большая часть китайского экспортного сектора.

В 2005 г. на иностранные фирмы приходилось 50,4 % экспорта Китая, а если добавить совместные предприятия, то эта величина выростала до 76,7 %.⁵⁵ (Для импорта цифры составляли 47,2 % и 71,3 % соответственно.) Обратимся к рис. 2.

Он удачно дополняет и развивает модель «летающих гусей» Озава (рис. 1). Рисунок 2 показывает, что Китай превратился в гигантский региональный сборочный цех, промежуточную площадку для экспорта продукции более развитых стран региона, т.е. занимающих более высокое положение в тандеме. В частности, за последнее десятилетие доля компонентов в экспорте в Китай увеличилась для Индонезии в 5, для Тайланда в 15, для Малайзии в 19, а для Филиппин в 60 раз.⁵⁶ Эксперт Всемирного банка отмечает, что «как часть региональной производственной сети машиностроения, Китай стал наиболее важным хабом конечной сборки, тогда как Япония и НИСы на сегодня являются наиболее важным источником инновационной составляющей».⁵⁷ Это особенно касается торговли высокотехнологичными товарами, в которой зависимость Китая от иностранных партнеров особенно велика – в этой продукции почти 80 % экспорта в Азию и импорта оттуда зависит от иностранного капитала.⁵⁸

Возглавляют всю азиатскую систему цепочек стоимости японские корпорации, которые «выстроили

свои собственные сети производства и распределения, фрагментировав производственные процессы на несколько субпроцессов и разместив их там, где их можно осуществлять с наименьшими издержками. 74 % экспорта и 56 % импорта головных офисов японских транснациональных корпораций приходится на их зарубежные филиалы».⁵⁹ Остается только добавить, что, как и показано в модели Озава, главным рынком конечной продукции для японских ТНК являются США. Таким образом, положение Японии во главе «гусиного клина» определяется ее ролью как главного посредника в эксплуатации дешевых трудовых и природных ресурсов Азии в интересах американского капитала. Китай же является основой всей этой гигантской пирамиды, несая ее на плечах своих многочисленных и терпеливых рабочих.

В самом деле, в последние три десятилетия вся система обслуживания Китая товарного, а затем и финансово-спекулятивного (см. ниже), рынка США покоилась на дешевизне китайского рабочего, которая поддерживалась искусственным путем. Большую часть рабочей силы Китая – 80 % в строительстве и 68 % в промышленности – составляет т.н. «плавающее население».⁶⁰ Под этим термином имеются в виду миллионы людей, которые в поисках работы перебрались в регионы, в которых они не прописаны и находятся, таким образом, формально незаконно. В основном это жители сельских областей, перебравшиеся в города. Однако есть и городское население, работающее в других регионах. Эта внутренняя миграция происходит, прежде всего, в прибрежную зону, в которой развернуты экспортные производства. В 2010 г. сельское «плавающее население» Китая оценивалось в 211 млн чел.⁶¹

⁵⁵ Palley Th. The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics, Bard College. – WP N. 675. – 2011. – July, p. 10.

⁵⁶ Haddad M. Trade Integration in East Asia: The Role of China and Production Networks / World Bank policy Research Working Paper 4160. March 2007, p. 14.

⁵⁷ Ibid., p. 13.

⁵⁸ Ibid., p. 17.

⁵⁹ Ibid., p. 16.

⁶⁰ Migrant workers in China // China Labour Bulletin. – 2008. – 6 June.

⁶¹ China [is] home to 211 million [of] floating population // China Daily. – 2010. – July 13.

Не располагая регистрацией в местах своей работы, внутренние мигранты являются неполноценными гражданами. Они не имеют пенсий, не объединены в профсоюзы, не получают медицинского обслуживания и пособий по безработице. Подъем «плавающего населения» связан с потребностью прибрежных регионов страны, работающих на мировой рынок, в дешевой рабочей силе.⁶² Мигранты обеспечивают китайские города дешевой и гибкой рабочей силой, готовой тут же вернуться домой в деревню при ухудшении конъюнктуры, «не создавая никакого бремени для городских служб занятости. ... Для общества их практически не существует, и они могут быть изгнаны из городов в любой момент. Их можно постоянно контролировать, и беды этих людей не имеют никакого веса в сравнении с проблемами рабочих в подлинном смысле слова». Дома эти мигранты вкладывают заработанные средства в улучшение хозяйства. Пока они отсутствуют, их земельные наделы обрабатывают родственники.⁶³ Одна пятая часть городских рабочих относится к категории временно занятых. Они получают более низкую оплату, на них не распространяются социальные льготы, смена длится 16 часов при шестидневной рабочей неделе.⁶⁴ Кроме того, широко используется труд школьников, применяемый с грубым нарушением законодательства.⁶⁵

Феномен «плавающего населения» представляет собой китайскую форму огораживания – отделения крестьян от земли, с целью заставить их пойти работать на фабрику за низкую заработную плату. Это и есть социальная основа «империалистической ренты» по Амину. В эксплуатации мигрантов происходит присвоение не только текущей прибавочной стоимости, созданной ими, но и результатов труда в патриархальном хозяйстве сельских коммун. В самом деле, владельцы городских предприятий, на которых трудятся мигранты, ничего не вкладывают в воспроизводство и подготовку своей рабочей силы.

Эксплуатируемые ими люди родились и были выращены за пределами капиталистического сектора, но работают на его обогащение. Именно в этой сверхэксплуатации «третьего сектора» (в терминологии Розы Люксембург) и состоит главное конкурентное преимущество китайского капитала, когда он выступает младшим партнером своего американского патрона.

Еще один важнейший аспект китайской модели состоит в том, что эта не самая богатая страна Азии в 2000-е гг. стала главным иностранным кредитором США. Обратимся к рис. 3, изображающему структуру инвестиций Китая в активы США.

Рисунок показывает не только стремительный рост этих вложений в 2000-е годы, но и преобладание инвестиций в т.н. «поддерживаемые государством частные предприятия», прежде всего, печально знаменитые «Фредди Мак» и «Фанни Мэй». Эти фонды инвестируют деньги клиентов на рынке ипотечного кредитования. После обвала рынка акций компаний информационных технологий США «.com» Китай стал вкладывать средства в рынок недвижимости.

Вообще особенностью современного мирового хозяйства является то, что производят в нем одни, а потребляют другие. Конечно, это лишь модификация базового принципа безвозмездного присвоения результатов чужого труда, на котором, как показано выше, капитализм покоится в течение всей своей истории. Однако никогда этот принцип не осуществлялся с таким размахом, как сегодня. Страны Азии, как главный поставщик товаров в США, имеют систематическое активное сальдо торгового баланса, также как и поставщики нефти. Это напоминает положение в Британской империи (см. параграф 2). Также как Индия тогда, страны с положительным сальдо торгового баланса финансируют развитые страны, как это сейчас делает Китай.⁶⁶

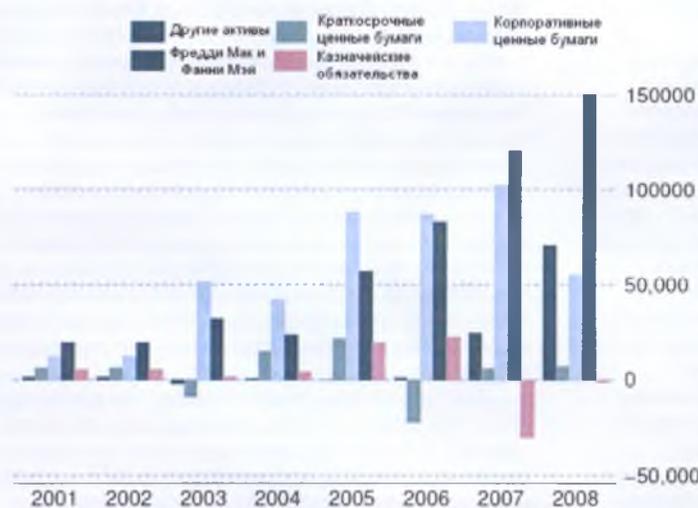

Рис. 3. Структура инвестиций Китая в активы США, млн долл.

Источник: Jagannathan R., Kapoor M., and E. Schaumburg, 2009, Why are We in a Recession? The Financial Crisis is a Symptom, not the Disease!, NBER WP 15404, Cambridge, MA, p. 16.

⁶² Zai L. & M. Zhongdong. China's floating population: new evidence from the 2000 census // Population and development review. – 2004. – Vol. 30. – No. 3, p. 468.
⁶³ Sisci F. and L. Xiang. China's Achilles' heel: the 'floating population' // Asia Times. Online. – 2003. – May 17, <http://www.atimes.com/atimes/China/EE17Ad01.html>
⁶⁴ Dexter Roberts. Why China's factories are turning to temp workers // Bloomberg Businessweek. – 2012. – March 8, <http://www.businessweek.com/articles/2012-03-08/why-chinas-factories-are-turning-to-temp-workers>.
⁶⁵ Lubman S. Working conditions: the persistence of problems in China's factories // The Wall Street Journal. – 2012. – 25 September.
⁶⁶ IMF, "Global Imbalances: A Saving and Investment Perspective," World Economic Outlook April 2005, p. 92.

Рис. 4. Платежный баланс и задолженность домохозяйств США в долл. на домохозяйство

Источник: Jagannathan R., Kapoor M., and E. Schaumburg. Why are we in a recession? The financial crisis is a symptom, not the disease! // NBER WP 15404, 2009, (p. 17).

Рассмотрим рис. 4, изображающий соотношение платежного баланса США и задолженности американских домохозяйств.

На рисунке хорошо видно, что накануне мирового экономического кризиса совокупная и особенно ипотечная задолженность американских домохозяйств стремительно выросла именно тогда, когда стало падать сальдо платежного баланса США. В этом отразился, в частности, тот факт, что главный кредитор США – Китай – вкладывал значительную часть своей выручки от торговли с Америкой в ее же финансовый рынок. Именно приток дешевых капиталов из Китая стал главным источником стремительно раздувшегося «пузыря» ипотечного кредитования, ставшего непосредственной причиной мирового финансового кризиса.

Почему же развивающиеся страны, обрекающие свое население на такие жертвы ради наращивания экспорта, не используют столь дорого доставшуюся им валюту на собственное развитие? Это предопределяется механизмом международных экономических отношений, созданным странами центра мирового капитализма. Как говорилось выше, институциональная природа мирового рынка такова, что побуждает страны периферии отчаянно бороться между собой за доступ на рынки развитых стран, прежде всего США. Для этого необходимо поддерживать искусственно заниженный курс национальной валюты. В самом деле, систематическое превышение экспорта страны периферии в страну центра над импортом оттуда создает растущий приток иностранной валюты на национальный денежный рынок. Количество национальной валюты уменьшается относительно иностранной. В результате курс национальной валюты по отношению к иностранной начинает расти. Это означает рост цены товара, скажем, в долларах, что снижает его конкурентоспособность на американском рынке. Чтобы не допустить подобного оборота событий, центральный банк периферийной страны вынужден печатать дополнительную величину национальной валюты и проводить интервенцию на валютном рынке, скупая и изымая из обращения «излишек» долларов. Затем их надо поместить где-то за пределами национальной экономики. Самое надежное это вложить их в ценные бумаги США. Получает-

ся, что, потратившись на импорт дешевых товаров с периферии, американский капитализм получает обратно свои же деньги в виде иностранных сбережений. Это и есть пресловутые «правила игры по либеральным принципам». Остается добавить, что они являются вовсе не результатом спонтанной игры безличных рыночных сил, а последствием тщательно продуманной политики американских ТНК, финансовых властей и направляемых ими международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Таким образом, китайская модель, как типичная модель зависимого развития, предполагает двойную эксплуатацию своей рабочей силы и природы: первый раз на поставке на американский рынок дешевых товаров, а второй – на передаче американскому капиталу сбережений, созданных китайским народом очень дорогой ценой. Следует особо подчеркнуть, что если бы не эта эксплуатация, то американский финансово-спекулятивный капитал попросту не мог бы существовать. Финанциализация и есть, прежде всего, не автономия финансового сектора, как часто думают, а механизм безвозмездного присвоения и передела между различными группировками капитала продукта чужого труда. Современный Китай является одним из важнейших столпов современного, спекулятивного капитализма. Насколько подобная модель отвечает пониманию развития, как обретения субъектности в истории, изложенному в начале работы?

На это можно возразить: вышел же Китай на второе место в мире по ВВП, значит, его выход на первое место это только вопрос времени. Дорогой читатель, прежде, чем соглашаться с этим бесконечно оптимистическим прогнозом, задумайтесь над судьбой Японии. Давно ли ей так же уверенно предрекали место ведущей державы 21-го века? Между тем, ее экономика стагнирует уже более двух десятилетий, несмотря на то, что Япония смогла поставить себе на службу многочисленные и трудолюбивые народы большей части Юго-Восточной Азии. В связи с этим следует обдумать следующий вопрос: может ли органическая часть мирового капитализма быть не затронута кризисом, поразившим систему в целом? На взгляд автора данных строк, текущий мировой экономический кризис, перешедший из фазы спада в «Великую стагнацию», ставит под вопрос саму возможность продолжения развития по китайской модели.

Этому как будто противоречат высокие темпы роста, которые Китай сохранил даже в условиях прошедшего мирового спада. Однако выше мы уже убедились в том, что рост в эпоху глобализации может быть обманчивым понятием. Задумаемся над качественными характеристиками развития китайской экономики, как они отражены табл. 4.

Данные таблицы свидетельствуют, что доля потребления в ВВП страны, которая и раньше была невелика (лишь 45,3 % в 2001 г.), систематически падала в предкризисные годы, уменьшившись к 2007 г. почти на 9 %. Норма накопления в этот период оставалась стабильно высокой – около 40 % ВВП, а доля государственных расходов даже несколько снизилась. Зато в предкризисные годы стремительно рос такой показатель, как доля ВВП чистого экспорта (т.е. превышение экспорта над импортом), совершивший скачок с 4,0 % в 2001 г. до 11,4 % в 2007 г., т.е. почти в три раза всего за 6 лет. Такая гигантская величина чистого экспорта, доходы от которого вкладываются обратно в американскую экономику, означает чистую передачу фонда труда свое-

Динамика ВВП Китая по элементам в 2000-е годы Таблица 4

	Потребление	Инвестиции	Гос. расходы	Чистый экспорт
2001	45.3%	34.6%	16.0%	4.0%
2002	44.0%	36.2%	15.6%	4.2%
2003	42.2%	39.1%	14.7%	4.0%
2004	40.6%	40.5%	13.9%	5.1%
2005	38.8%	39.7%	14.1%	7.4%
2006	36.9%	39.6%	13.7%	9.7%
2007	36.0%	39.1%	13.5%	11.4%
2008	35.1%	40.7%	13.3%	10.9%
2009	35.0%	45.2%	12.8%	7.0%
2010	33.8%	46.2%	13.6%	6.4%

Источник: Pettis, "Lower Interest Rates, Higher Savings?"
<http://www.financialsense.com>, October 16, 2011; China Statistical Yearbook.

народа лидеру мирового капитализма. Теперь рассмотрим, что происходит с началом мирового кризиса. Доля потребления в ВВП обрушивается еще быстрее, достигнув в 2010 г. ничтожных 33,8 %. И это несмотря на некоторый абсолютный рост заработной платы в китайской промышленности! Такое положение означает, что экономика все меньше работает на собственное население. Одновременно происходит настоящий коллапс чистого экспорта, просевшего к 2010 г. до 6,4 %, т.е. почти в два раза.

Государственные расходы, сначала, заметно падают, но потом быстро возвращаются к докризисному уровню. За счет чего же были обеспечены беспрецедентно высокие темпы роста китайской экономики в условиях кризиса?

Ответ содержится в стремительном взлете доли накопления в ВВП, которая за три года (2008–2010 гг.) поднялась более чем на 6 %. Динамика данного показателя отражает огромные инвестиции в инфраструктуру и строительство предприятий. Размах осуществляемых проектов на фоне всеобщего кризиса и упадка в мире производит ошеломляющее впечатление. На этом основании многие наблюдатели поспешили сделать вывод, что Китай переходит от экспортной модели к ориентации на внутренние механизмы роста. Для такого вывода, однако, нет достаточных оснований. Прежде всего, необходимо задаться вопросом: на какие рынки рассчитано гигантское строительство дополнительного основного капитала? Приведенные в таблице 4 данные говорят о падении как внутреннего (доля потребления в ВВП), так и внешнего (доля чистого экспорта в ВВП) рынков. Отсутствие сферы приложения нового капитала подтверждается и данными об использовании производственных мощностей в китайской экономике.

Обратимся к рис. 5, отражающему загрузку производственных мощностей в китайской экономике. Данные свидетельствуют, что этот показатель неуклонно снижался с уровня около 90% в 2000-м г. до примерно 80% в 2007 г. Перенакопление капитала в реальном секторе мировой экономики, о котором говорилось в предыдущем параграфе как об отправном пункте мирового кризиса, происходило, прежде всего, на базе китайской экономики. Однако с началом кризиса этот показатель стал падать просто катастрофически, достигнув 60% в 2011 г. Таким образом, без малого половина созданных производственных мощностей простаивает! Это результат как падения

внутреннего и внешнего рынков, так и массивного наращивания инвестиций.

Дополнительный зловещий смысл росту за счет перенакопления капитала придает тот факт, что он осуществляется на основе невиданного наращивания государственного кредитования, т.е. за счет увеличения задолженности. До сих пор часто подчеркивалось, что Китай не вовлечен в финансовую спекуляцию. Выше показано, что это далеко не так и что именно на китайских финансах, как на дрожжах, взращен американский спекулятивный капитал. Однако в Китае «пузырь» финансов и недвижимости не раздувался. Все изменилось в кризисные годы. И вот уже Кийоокуо Нишимура, заместитель главы Японского банка, предупреждает, что «Китай входит в опасную зону». Рост кредитов и цен на жилье за последние пять лет «превышал крайности, которые пережила Япония, перед тем как взорвался пузырь Никкей в 1990 г.»⁶⁷ Действительно, между 1985 г. и 1990 г., столкнувшись с резким ухудшением своих экспортных позиций в результате повышения курса иены к доллару, Япония пыталась делать примерно то же, что сейчас делает Китай – поддерживать рост инвестиций искусственным путем за счет наращивания стоимости финансовых активов.⁶⁸ Это обернулось кризисом, из которого, как сказано, эта страна так и не смогла выйти за последние более чем 20 лет.

Известный американский экономист Нуриэль Рубини, проанализировав последствия перенакопления капитала в Китае, приходит к выводу о том, что «как только дальнейшее увеличение инвестиций в основной капитал окажется невозможным – вероятнее всего после 2013 г. – Китай обречен на резкое замедление роста».⁶⁹ Звучат и более резкие оценки: «Если вы посмотрите данные о Китае, вам следует перестать дискутировать о 'жесткой посадке', – считает Адриан Моуат, специалист по Азии из Джей-Пи-Морган. – Китай уже жестко приземляется. Продажи автомобилей упали, производство цемента упало, производство стали упало, акции строительных компаний падают. Это более не предмет для дискуссий, это – факт».⁷⁰

Рис. 5. Средняя загрузка производственных мощностей в Китае (в процентах)

Источник: People's Republic of China. 2012 article VI consultation / IMF country report No. 12/195. – New York; Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2012, p. 25.

⁶⁷ Evans-Pritchard A. China bubble in 'danger zone' warns Bank of Japan // The Telegraph. – 2013. – 9 January.

⁶⁸ Koo R. The Holy Grail of macroeconomics: lessons from Japan's great recession. – Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte. Ltd., 2008.

⁶⁹ Nouriel Roubini. China's bad growth bet // Project-syndicate. – 2011. – April 14, <http://project-syndicate.org>.

⁷⁰ Farzad R. China slows, raising questions for U.S. growth // Businessweek.com, March 27, 2012,

<http://www.businessweek.com/articles/2012-03-27/china-slows-raising-questions-for-u-dot-s-dot-growth>.

Американские авторы подытоживают мнение экспертов: «Чтобы избежать надвигающуюся беду, полагает сложившийся экономический консенсус, китайской экономике требуется изменить соотношение доли чистого экспорта, инвестиций и потребления в ВВП, уходя от экономики, которая с опасной чрезмерностью полагается на инвестиции и экспорт, при крайнем недостатке потребительского спроса и признаках набухающего пузыря финансов и недвижимости. Однако сама идея столь фундаментального сбалансирования – в тех гигантских масштабах, в которых оно требуется – ставит вопрос о противоречиях, лежащих в центре всей модели накопления на основе низкой оплаты труда, которая характеризует современный китайский капитализм».⁷¹

Иными словами, на пути подобного глубокого маневра стоят мощные препятствия. Как сообщает информированная деловая газета «Уолл-Стрит джорнал»: «Несмотря на огромные усилия архитекторов политики в Пекине, доля потребления домохозяйств в экономическом росте Китая в прошлом году, в действительности, изменилась в обратном направлении», т.е. еще уменьшилась, вместо того, чтобы возрасти. Важная причина этого, по мнению газеты, состоит в том, что «есть политические брокеры в китайской элите, которые сделали слишком большие деньги на старой модели, чтобы принять новую».⁷² Для того чтобы понять, о чем идет речь, необходимо присмотреться к социальной природе новоявленной китайской бизнес-элиты и к тому, как она связана с правящим политическим слоем.

Информационное агентство «Блумбергньюс» провело тщательное исследование, показавшее, что практически все т.н. «восемь бессмертных» соратников Дэн Сяопина из руководства КПК, инициировавшего реформы, основали свои собственные, мощные бизнес-кланы. 103 потомка «бессмертных» образовали сеть связей, эффективно контролирующую значительную часть экономики страны.⁷³ Обследование 20 тыс. богатейших граждан Китая показало, что «более 90 процентов из них связано с высшими государственными или партийными функционерами. Самые богатые – это родственники высших руководителей, которые использовали свое положение, чтобы провести законы, трансформировавшие государственные предприятия в акционерные компании, а затем назначили членов своих семей менеджерами этих предприятий».⁷⁴ Новоявленные «князьки» (princelings – так окрестили в западной печати бизнесменов-родственников высокопоставленных представителей китайской номенклатуры) взяли под контроль наиболее прибыльные бывшие государственные активы: банки, транспорт, энергетику, добычу минералов и т.д. Они получили доступ к ресурсам государственных банков,

вступили в партнерство с иностранным капиталом, выпустили акции своих компаний на Нью-Йоркской и Гонконгской биржах. Важным источником их обогащения стали «откаты», получаемые от иностранных компаний за содействие их бизнесу в Китае.⁷⁵ При этом только меньшинство китайской бизнес-элиты связывает свое будущее с родиной. Согласно обследованию, 46 % богатых людей Китая обдумывает переезд в другую страну (главным образом, в США), 14 % уже подали документы на эмиграцию, и лишь 40 % не рассматривает такой шаг.⁷⁶

В свете этих фактов трудно не согласиться с Рубини, когда он утверждает, что «причины, по которым китайцы сберегают так много, а потребляют так мало, структурны (т.е. вытекают из структуры сложившихся общественных отношений – Р. Д.)». По мнению эксперта, увеличение доли потребления домохозяйств может оказаться дестабилизирующим фактором, т.к. «может привести к банкротству большого числа государственных предприятий (обогащающих «князьков» – Р. Д.), ориентированных на экспорт фирм и местных органов власти, все из которых политически весьма влиятельны. В результате, Китай будет инвестировать даже больше (курсив Рубини Р.Д.) в текущей пятилетке».⁷⁷ Вопрос о продолжении нынешней модели развития Китая становится предметом начинающейся классовой и политической борьбы.

Социальный протест в Китае неуклонно нарастал еще накануне кризиса. Так, Министерство общественной безопасности Китая сообщало в 2005 г. о 87 тыс. случаев массового «нарушения общественного порядка», в сравнении с 74 тыс. годом ранее.⁷⁸ С началом мирового финансового кризиса ситуация резко обострилась. В 2010 г. произошли забастовки на заводах компаний Хонда и Фоксзон, за которыми последовала волна рабочих протеста, приведшая к некоторому росту заработной платы. В связи с этим аналитики отмечали рост образованности и готовности бороться за свои права среди сельских мигрантов 15–25 лет, на дешевый труд которых, прежде всего, полагается экспортный сектор экономики.⁷⁹ События 2010 г. показали распространение левых настроений на молодое поколение рабочих. Вплоть до начала 2000-х годов социальная база рабочего протеста была ограничена работниками старого государственного сектора экономики, пострадавшего от развития капитализма 1990-х годов. Теперь протест решительно помолодел, показав, что на авансцену китайской общественной жизни выходит новая сила.⁸⁰ Всего в 2010 г. в Китае зафиксировано 180 тыс. случаев проявлений массового протеста. Одним из их источников является инфляция, связанная со стимулирующими антикризисными мерами правительства⁸¹ и в значительной мере съедающая повышение заработной платы рабочих страны.

⁷¹ Foster J. and McChesney R. The global stagnation and China // Monthly review. – 2012. – Vol. 63. – No. 9 (February).

⁷² Bremmer I. China's bumpy road ahead // The Wall Street Journal. – 2011. – July 9.

⁷³ Hunt A. China's princelings build the wrong kind of capitalism // Bloomberg News. – 2012. – December 28.

⁷⁴ Kwong P. The Chinese face of neoliberalism // Counterpunch. – 2006. – October 7-9, <http://www.counterpunch.org/2006/10/07/the-chinese-face-of-neoliberalism/>.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Page J. Many rich Chinese consider leaving // The Wall Street Journal. – 2011. – November 2.

⁷⁷ Nouriel Roubini. China's bad growth bet // Project-syndicate. – 2011. – April 14, <http://project-syndicate.org>.

⁷⁸ Lum T. Social unrest in China. CRS report for Congress. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, p. 4.

⁷⁹ Richburg K. Labor unrest in China reflects changing demographics, more awareness of rights // The Washington Post. – 2010. – June 1.

⁸⁰ Minqi L. A dying model: Chinese capitalism / Diplomat. – 2012. – November 6, <http://thediplomat.com/china-power/a-dying-model-chinese-capitalism/>.

⁸¹ Orlik T. Unrest grows as economy booms // The Wall Street Journal. – 2011. – September 26.

Наблюдается значительное возрождение левых настроений среди интеллигенции, считающей капитализм препятствием на пути выхода экономики страны из кризиса. Растущая часть интеллигенции и активистов общественных движений выступает за пересмотр идеологии свободного рынка, которая, как они считают, лежит в основе китайских экономических реформ. Они требуют укрепления социалистических начал в жизни страны путем восстановления позиций общественной собственности и усиления перераспределения доходов от богатых в пользу бедных. Из этого вытекает их программа преодоления кризиса экономики страны. Они полагают, что «вероятно, более обоснованным был бы уровень инвестиций в 30 % ВВП страны», а не почти 50 %, как сейчас (см. выше). Однако переход к этому уровню означал бы увеличение на 20 % ВВП потребления домохозяйств, которые в основном живут на заработную плату. Для этого «значительную долю национального дохода (между 15 и 20 процентами ВВП Китая) необходимо перераспределить от капиталистов к рабочим (курсив мой – Р. Д.). Такая мера, вероятно, столкнется с сильным сопротивлением со стороны капиталистического класса Китая».⁸² Такова позиция т.н. китайских «новых левых», часть которых ассоциирует себя с маоизмом, а часть с социал-демократией.

Хотя маоизм был продуктом революционного марксизма «с китайской спецификой», но изложенный подход «новых левых» не выглядит чисто революционной мерой. В нем ведь намечается не упразднение класса частных собственников, а только ограничение его appetites, которые обществу все труднее удовлетворять. Это программа радикальных левых реформ, а не революции. Однако и она, судя по т.н. «делу Бо Силая», является неприемлемой для правящего номенклатурно-капиталистического слоя Китая.

Бо Силай (1949 г.р.) был влиятельным членом Политбюро КПК и возглавлял партийную организацию крупного города Чонкин. «Популист с железным кулаком», – как назвал его английский «Экономист», – рассматривался его сторонниками как «китайский Владимир Путин».⁸³ Сын одного из восьми «бессмертных» (см. выше), Бо Силай принадлежит к одному из могущественных семейных кланов, контролирующих экономику и власть страны. Он рассматривался как вероятный претендент на пост члена Центрального постоянного комитета Политбюро КПК, которое образуют высшие руководители страны. Однако весной 2012 г. Бо Силай неожиданно был удален со своих постов формально из-за политического скандала, связанного с его ближайшим соратником, возглавлявшим правоохранительные органы города. (Укрывшись в американском посольстве в Пекине, последний разоблачил злоупотребления своего шефа. Жена Бо Силая была обвинена в отравлении своего делового партнера – иностранного бизнесмена.)

Однако в действительности, как считают аналитики, причиной его падения стала т.н. «чонкинская модель». Возглавляя партийную организацию города, Бо Силай обрушился на организованную преступность и коррупцию, увеличил расходы на социальные цели, продвигал «одновременное развитие» государственных и частных предприятий (вместо односторонней приватизации,

происходившей в других провинциях), начал кампанию по возрождению маоистской культуры и символики. Многие «новые левые» рассматривали Бо Силая как своего вождя. По мнению авторитетного аналитика, свержение высокопоставленного партократа весьма многозначительно, ибо показывает, что КПК «намерена продолжать рыночно-ориентированные экономические преобразования без существенных социальных реформ. Хотя такой курс и может быть выгоден китайским капиталистам в краткосрочной перспективе, он обречен далее обострить многочисленные противоречия Китая и потенциально способен подготовить условия для социального взрыва в не очень отдаленном будущем».⁸⁴

Следует отметить, что международные организации, представляющие интересы американского капитала, тоже заметили нарастающий кризис китайской модели и, судя по некоторым материалам, надеются обратить его в свою пользу. Так, Всемирный банк издал доклад, констатирующий, что китайская модель «несостоятельна» (unsustainable), но возлагающий вину за это на «чрезмерную» роль государства и недостаток конкуренции.⁸⁵ Доклад рекомендует разгосударствление экономики, либерализацию финансов и т.д. По-существу, Китаю предлагается пойти по российскому пути радикальных рыночных реформ «либерализации плюс стабилизации». Наверное, россияне лучше кого-либо другого представляют катастрофические последствия подобного курса, если он будет принят.

Похоже, что мировой экономический кризис не только положил конец нынешней модели, но и породил борьбу за будущий вектор развития Китая. Сталкиваются три принципиальные позиции: (а) консервативная – любой ценой сохранять достигнутое положение, прежде всего доходы и привилегии элиты; (б) левая – перейти на модель роста, ориентированного на интересы своей страны, путем ограничения власти крупного капитала и перераспределения национального дохода в пользу трудящихся (социал-демократическая или конвергентная модель); (в) правая – осуществить ликвидацию остатков социальных завоеваний китайской революции, отдав лакомые куски китайской экономики иностранному капиталу, обрушить уровень жизни людей, сохранив Китай в сфере международной эксплуатации.

⁸² Minqi L., op. cit.

⁸³ The princelings are coming // Economist. – 2011. – June 23.

⁸⁴ Minqi L., op. cit.

⁸⁵ Pierson D. World Bank to China: your economic model is 'unsustainable' // Los Angeles Times. – 2012. – February 27.

Исходя из вышеизложенного, единственным сценарием, благоприятным для развития страны, представляется вариант «новых левых». Парадоксальным образом, этот проект являлся бы не социалистическим, а «конвергентным» путем к национально-ориентированному капитализму. Прочитанные источники считают его осуществление маловероятным из-за сопротивления номенклатурно-капиталистической прослойки. К этому можно добавить еще ряд соображений. Уменьшить долю накопления и поднять долю потребления в ВВП на такую гигантскую величину, как 15-20 % это исполинская по сложности задача даже без сопротивления правящего класса. Сейчас производственные мощности страны, а вместе с ними и производство средств производства, добыча сырья, инфраструктура, система образования и профподготовки и многие вспомогательные виды деятельности ориентированы на обслуживание потребностей внешнего рынка. А ведь у собственного населения совсем другие нужды. Чтобы удовлетворить их, надо теперь значительную часть ныне действующих предприятий, не окупивших еще вложений в свое создание, технологически перестроить, а многие и вовсе демонтировать или просто бросить. В то же время надо произвести новое оборудование, создать многие новые предприятия, перенацелить транспортные потоки, переподготовить рабочую силу, переориентировать науку и т.д. Этот структурный поворот на первых порах неизбежно вызовет определенный спад экономики, который потребует более уравнительного распределения уменьшившегося количества потребительских благ. Более того, прекращение систематического вывоза капитала в США, рост заработной платы, повышение курса валюты неизбежно резко сократят возможности экспорта, что еще больше усугубит спад экономики. Для осуществления подобной перестройки необходимо, по крайней мере временно, существенное усиление централизованного начала в управлении экономикой.

Еще более существенно то, что переход Китая на новую модель «конвергентного» или «национально-ориентированного капитализма» оказался бы сильнейшим ударом по сложившемуся в мире экономическому порядку. Переориентация Китая на внутренний рынок и падение его экспорта вызовет кризис всей «гусиной стаи» азиатских экономик, лишит Европу дешевых товаров, а США – еще и главного кредитора. Это поставит Запад перед жесткой необходимостью искать для себя другой

сборочный цех с такой же многочисленной, покладистой и дешевой рабочей силой, какую Китай поставлял в течение последних трех десятилетий. Принципиально в этом нет ничего невозможного, но такой оборот событий требует времени, затрат и усилий. Между тем, современная капиталистическая мир-система балансирует на грани срыва – долговой кризис в Европе, стагнация Японии, перманентный фискальный разрыв в США. В этих условиях Запад не может позволить Китаю спокойно умыть руки и будет рассматривать пересмотр модели его развития как агрессивный шаг, направленный на подрыв своих жизненно важных интересов. Как показывает опыт, центр мирового капитализма неизбежно реагирует на такую угрозу одним и тем же образом – применением силы.

В связи со всеми этими внутренними и внешними обстоятельствами переход Китая на рельсы подлинного национально ориентированного развития в рамках капитализма представляется событием в высокой степени маловероятным.

Рассмотренный материал говорит о том, что в современном Китае реализован не национально ориентированный капитализм, а модель зависимого развития. В самом деле, экономика страны подверглась глубокой трансформации в интересах центра мирового капитализма. Ее производительные силы ориентированы на трудоемкую сборку чужой продукции для поставок, прежде всего, в США, Европу и Японию. Не меньшей перестройке подвергнута социальная структура китайского общества. Из обездоленного крестьянства создана гигантская по масштабам армия дешевого труда, переданная в распоряжение растущего капиталистического класса, богатеющего на сверхэксплуатации своих рабочих в интересах западного капитала. В основе китайской модели, как свидетельствуют факты, лежит безвозмездная передача значительной части фонда труда населения страны центру мирового капитализма. Хотя мировой кризис и кладет конец развитию данной модели, но переход страны на рельсы национально-ориентированного капитализма маловероятен, т.к. противоречит интересам капитала центра и обслуживающего ее номенклатурно-капиталистического правящего класса китайского общества.

На этом широком историческом фоне надо рассматривать особенности общественного строя, сложившегося в последние два десятилетия в нашей стране.

5. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: НАСАЖДЕНИЕ ОТСТАЛОСТИ В ДЕЙСТВИИ

У современного отечественного капитализма два источника: разложение советской бюрократии и влияние глобального капитализма. Первый фактор связан с природой советского строя.

С точки зрения автора данной работы, его самый глубокий анализ был предложен Львом Троцким в классическом произведении исторического материализма «Преданная революция» (1936 г.).⁸⁶ Вопреки официально провозглашенной победе социализма в «одной, отдельно взятой стране», один из вождей русской революции убедительно показал, что советское общество было всего лишь переходным, т.е. что оно лишь пыталось строить социализм. В отсутствие победоносной мировой социалистической революции это общество скатится назад к капитализму. «Привилегии имеют небольшую цену, – писал Троцкий, – если их нельзя передать детям по наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в частную собственность».⁸⁷

История полностью подтвердила предвидение марксистского мыслителя. Так, профессор Кембриджского университета Дэвид Лейн отмечает, что большинство работ по переходу к рынку в России страдают тем пороком, что игнорируют ключевой вопрос о социальных силах, стоявших за реформами. Лейн выделяет две основные социальные группы, способствовавшие падению советского строя и его переходу к капитализму.⁸⁸ Это были: «административный класс», состоявший из людей, осуществлявших административный контроль над производством, образованием и наукой; и «приобретательский класс», состоявший из выходцев из интеллигенции, заинтересованных в использовании рыночного механизма для извлечения материальных выгод из своей квалификации. К этим двум социальным категориям, выделенным Лейном, можно добавить предпринимателей черного рынка, чья деятельность постепенно нарастала еще в порах советского общества.⁸⁹ В течение многих лет органам централизованного управления более менее успешно удавалось контролировать экономику. Однако их роль постепенно подрывалась, и бюрократия, включая директоров предприятий, повышала свое влияние.

Признавая роль этих сил в разрушении советского строя, Лейн выделяет «глобальный политический класс», который «через гегемонию западных правительств и международных организаций» осуществил свое решающее влияние на «создание капитализма и буржуазного класса собственников»⁹⁰ в России. Внешне реформами руководила группа высших государственных чиновников во главе с Гайдаром. Однако «их консультировали, поддерживали и подталкивали высшие сотрудники администрации США и группа американских экономистов

сходного мышления».⁹¹ Неолиберальные экономисты Джеффри Сакс, Андрей Шлейфер и юрист Джонатан Хей оказывали влияние на экономическую политику России, беспрецедентную для независимого государства: «Американские советники выработывали политические меры с Гайдаром, Чубайсом и их коллегами, которые потом вписывались прямо в президентские указы. Каждое значимое экономическое решение ельцинского президентства было осуществлено именно таким образом. Парламент бывал обойден».⁹²

Это ярко подтверждается и воспоминаниями американского банкира российского происхождения Бориса Йордана.⁹³ Он рассказывает, как в сентябре 1992 г. к нему обратился Чубайс, возглавлявший Госкомимущество, с просьбой срочно разработать программу приватизации. Срочность объяснялась тем, что 9 декабря должен был открыться очередной съезд народных депутатов, и правительство хотело начать приватизацию до этого, поставив народных избранников перед фактом. Команда западных экспертов под руководством Йордана «работала день и ночь, буквально день и ночь, урывая несколько часов сна прямо в офисах». Пропустив многие стадии работы в ущерб качеству, разработчики успели в срок, и программа была запущена за один день до открытия съезда. «То, чего мой дед не смог достичь во время войны Белой армии с коммунистами, мы сделали, изгнав государство из отношений собственности»,⁹⁴ – с удовлетворением заключает внук белоэмигранта. Этот красноречивый эпизод свидетельствует не только о закулисной роли западных кукловодов и об их подлинном отношении к демократии, но говорит и о том, что, направляя реформы в России, они руководствовались ненавистью к нашей стране, чувством мести к своему поверженному противнику, комплексом неполноценности за перенесенный страх перед коммунизмом. Их чувства вполне понятны. Менее понятна наша готовность смириться с реформами, проистекающими из такого нечистого источника.

Основные меры экономических реформ закрепили неформальный контроль над активами со стороны новых собственников, вышедших из рядов бывшей советской бюрократии (административный класс), интеллигенции и криминального подполья. Их бесславный союз был скреплен приватизацией. Этот процесс создал самые широкие возможности для нарушения закона со стороны государственных чиновников и криминальных элементов, позволив им захватить контроль над наиболее прибыльными активами.⁹⁵ Отечественному читателю много известно и о крупномасштабной недооценке бывшей государственной собственности, и о волне криминального террора, сопровождавшей этот процесс, и стремительном обогащении в этот период наиболее беззащитных дельцов. Остановимся подробнее на природе крупного бизнеса, каким он сложился в ходе преобразований.

⁸⁶ Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? – М.: Московский рабочий, 1991 [1936].

⁸⁷ Там же, с. 210.

⁸⁸ Lane D. Elites and classes in the transformation of state socialism. – New Brunswick (USA), London (UK): Transaction publishers, 2011.

⁸⁹ Menshikov, S. The Anatomy of Russian Capitalism. Washington, DC: Executive Intelligence Review News Service, 2007, p. 9.

⁹⁰ Lane D. Elites and classes in the transformation of state socialism. – New Brunswick (USA), London (UK): Transaction publishers, 2011, p. 43.

⁹¹ Pirani S. Change in Putin's Russia. Power, money and people. – London: Pluto Press, 2010, p. 24.

⁹² Ibid., p. 27.

⁹³ Desai P. Conversations on Russia. Reform from Yeltsin to Putin. – Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 291-293.

⁹⁴ Ibid., p. 192.

⁹⁵ Freeland C. Sale of the century. The inside story of the second Russian revolution. – London: Abacus, 2011.

На начальной стадии приватизации структура собственности на российские предприятия характеризовалась доминированием коллектива. Позже произошло перераспределение акций в пользу внешних собственников,⁹⁶ сумевших установить контроль над российскими компаниями. Это определило российскую модель корпоративного управления.⁹⁷ Благодаря недостатку применения законов в современной России, формальные права собственности не могут быть осуществлены в нашей стране, если они не подкреплены неформальным контролем над активами. Власть собственников отечественных предприятий опирается на инфраструктуру контроля. Под этим термином имеется в виду сеть формальных и неформальных институтов, позволяющих осуществлять контроль над внешней и внутренней средой компании. Коррупционные связи с государством и криминальное насилие выступают неотъемлемой частью этой инфраструктуры. С другой стороны, развитые службы контроля, аудита и внутренние службы безопасности обеспечивают жесткую хватку собственников над трудовым коллективом. Таким образом, отечественная модель корпоративного управления характеризуется слиянием собственности и управления. Это сближает наш бизнес с американскими финансируемыми корпорациями, в которых акционеры контролируют менеджмент. Однако в России этот процесс принимает более криминальные и насильственные формы.

Волны перераспределения прав собственности и контроля регулярно прокатываются по отечественной экономике. Подавляющее большинство слияний и поглощений имеет враждебный характер и сопровождается применением криминального насилия. В результате российский бизнес характеризуется фундаментальной нестабильностью собственности и контроля, что имеет весьма далеко идущие последствия. Испытывая постоянную угрозу утраты контроля над своими предприятиями, российские предприниматели не спешат осуществлять долгосрочные инвестиции. Краткосрочность, вытекающая из этой неопределенности, сильно влияет на цели отечественного крупного бизнеса, который стремится максимизировать не долгосрочный рост, а краткосрочную инсайдерскую ренту. Имеется в виду доход доминирующей группы, извлекаемый из контроля над финансовыми потоками предприятий. Он присваивается за счет урезания фонда оплаты труда, инвестиций, фонда амортизации и некоторых других источников.⁹⁸ Обычно инсайдерская рента извлекается с предприятия для накопления на частных счетах российских бизнесменов в офшорных зонах.⁹⁹ Этот тип дохода является по своей природе краткосрочным, в крайнем случае, среднесрочным. Способность присваивать инсайдерскую ренту

опирается на инфраструктуру контроля над активами.

Инсайдерская рента имеет двойственную природу. С одной стороны, она имеет черты предпринимательского дохода, поскольку формируется за счет прибавочной стоимости (продукта неоплаченного живого труда рабочих). С другой стороны, инсайдерская рента извлекается за счет контроля над финансовыми потоками, основанного на инфраструктуре, представляющей собой механизм внеэкономического принуждения. Благодаря этому собственники предприятий могут присваивать еще и часть продукта накопленного труда рабочих (например, расхищая фонд амортизации) и часть трудового дохода (расхищая фонд заработной платы, присваивая бюджетные средства). Это типичное накопление путем отъема чужой собственности (*accumulation by dispossession*, см. выше). Эта последняя черта рассматриваемого дохода роднит его с феодальной рентой. Двойная природа инсайдерской ренты отражает генезис российского капитализма, возникшего из разложения сталинской системы и влияния глобального капитализма.

Отечественный внутренний рынок сжимается в результате роста неравенства в распределении доходов, усиливающегося в результате извлечения инсайдерской ренты. В самом деле, данные официальной статистики говорят о том, что доля доходов 80 % (!) населения России в совокупных денежных доходах непрерывно уменьшалась в 2002–2009 годах, и только одной пятой самых богатых – росла.¹⁰⁰ Это оборачивается падением продаж и снижением прибыли, что подрывает накопление фондов для инвестиций. Еще более эти средства сокращаются в результате вывода ренты из конкретных компаний. Извлечение ренты сокращает доходы мелких акционеров, менеджеров, не принадлежащих к доминирующей группе, и рабочих. В результате возникают многочисленные внутрифирменные конфликты и усиливается оппортунистическое поведение наемных работников, а также растет рабочий протест. Это вынуждает доминирующую группу увеличивать вложения в инфраструктуру контроля, чтобы подавить эти конфликты. Все это подрывает инвестиции в модернизацию и расширение производственных мощностей.

Однако инсайдерская рента подрывает и заинтересованность компаний в осуществлении потенциально выгодных инвестиционных проектов. Благодаря сокращению внутреннего рынка прибыль, ожидаемая от инвестиций в производственные мощности, является низкой. В силу этого российский бизнес отвергает крупные инвестиционные проекты с большими сроками самоокупаемости. Поскольку, как правило, это наиболее важные проекты с точки зрения технического прогресса, долгосрочные перспективы российских компаний ухудшаются.

⁹⁶ Dolgopyatova T., 2005, Evolution of the Corporate Control Models in the Russian Companies: New Trends and Factors, SUHSE Working Paper WP1/2005/04, (Moscow: State University – Higher School of Economics).

⁹⁷ Dzarasov R. Eichnerian megacorp and investment behaviour of Russian corporations // Cambridge Journal of Economics. – Vol. 35. – No. 1, pp. 199-217.

⁹⁸ Инсайдерскую ренту можно измерять через величину свободного денежного потока (Free Cash Flow), минус различные формы процента по займам и дивиденды, выплаченные акционерам, не располагающим контрольным пакетом.

⁹⁹ «Россия – единственная страна, где 90 % крупного «российского» бизнеса и столько же флота с российскими судовладельцами зарегистрированы в офшорах, 80 % сделок по продаже российских ценных бумаг проводится через эти юрисдикции. Только в 2008 году из страны таким образом утекло более \$ 200 млрд, или 6 трлн рублей (в 2006 году председатель ЦБ РФ С.Игнатьев оценивал ежегодный отток капитала из страны через офшоры более чем в 1 трлн рублей, рост налицо). Эта сумма в два раза превышает дефицит бюджета России в 2009 году». (Демин В. Офшоры – реальная угроза экономической безопасности России // Просвет, 2010, Интернет-ресурс, http://www.prosvet.su/articles/sec/offshore_articule2/).

¹⁰⁰ Росстат, Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник, 2008. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008, с. 132; Росстат, Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник, 2008. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008, с. 131.

Кроме того, внедрение технического прогресса ведет к повышению прибыльности предприятий, что делает их более привлекательной целью враждебных поглощений. Это еще более снижает заинтересованность в модернизации.

Таким образом, извлечение инсайдерской ренты раздувает внутрифирменные конфликты, уменьшает образование фондов и, в конечном счете, подрывает накопление капитала крупным российским бизнесом. Все это сближает российский крупный бизнес с понятием «люмпен-буржуазии» А. Франка.

В последние годы развивается концепция, рассматривающая российское общество как вариант бюрократически-монополистического капитализма.¹⁰¹ Комментируя работу С. Меньшикова, Г. Цаголов отмечает, что его «исключительно важная, если не главная мысль» состоит в том, что «в рамках российского капитализма сформировался и действует мощный инерционный механизм, обуславливающий вращение всей экономики в заколдованном кругу главных диспропорций и перекосов».¹⁰² Сущность этого механизма обоим авторам видится в подавлении конкуренции монополией, что и выражает господство т.н. «олигархов». Однако крупный бизнес в России не обладает автономией – наблюдается тесное сращивание олигархов с государством. Именно из этой природы современного российского капитализма и вытекают такие его черты, как перекосяк в пользу топливно-энергетического комплекса, ограниченность внутреннего рынка из-за массовой бедности населения, высокая степень коррупции и преступности.¹⁰³

Концепция бюрократически-монополистического капитализма хорошо сочетается с моделью российского корпоративного управления, изложенной в данной работе. В самом деле, внешняя защита прав собственности как часть инфраструктуры контроля, предполагает тесный союз верхушки крупного бизнеса с государственным чиновничеством. Термин «сращивание» здесь очень подходит, т.к. крупные чиновники все чаще становятся крупнейшими завалуированными собственниками, контролирующими предприятия через «облако» (по выражению Якова Паппэ) офшорных фирм. Максимизация инсайдерской ренты является главной целью бюрократически-олигархического правящего класса. Как показано выше, этим вполне объясняется растущая бедность. Сращивание бизнеса и власти означает, что коррупция не просто присутствует где-то на периферии системы, а становится ее экономической основой. В самом деле, коль скоро нельзя сохранить контроль над активами без «крыши» в лице власти, то взятка становится формой своеобразных инвестиций, имеющих приоритет

перед вложениями в развитие производства. По существу, взятка становится элементом кругооборота капитала в наших условиях. Понятно, что подобное сращивание по определению подавляет конкуренцию. Чтобы понять, почему оно ведет к искажению структуры экономики, надо принять во внимание то влияние, которое периферийное положение страны оказывает на механизм ее экономического роста.

Экономический рост в решающей степени зависит от структуры цен, складывающейся в экономике. Отрасли, в которых надбавка на удельные издержки производства выше, получают большую прибыль и, соответственно, располагают лучшими инвестиционными возможностями. Российская экономика представляет собой яркий пример диспаритета цен.¹⁰⁴ Для нее характерно наличие двух неравных групп отраслей с ценами, растущими относительно быстрее, и ценами, растущими относительно медленнее. Первая группа включает топливно-энергетический комплекс, цветную и черную металлургию, пищевую промышленность и ряд сегментов других отраслей. Вторая – все остальные. Среди компаний привилегированного сектора экономики доминируют экспортеры энергоносителей, металлов, минеральных удобрений и некоторой другой продукции. Они обладают возможностью ограничить предложение своей продукции на внутреннем рынке, вывозя ее за рубеж. Эта власть над внутренним рынком реализуется через рост цен для своего потребителя. Неконтролируемый рост цен вздувает издержки обрабатывающей промышленности и порождает перетекание капитала в добывающие отрасли.

Структура цен российской экономики показывает, что собственники привилегированного сектора и отраслей-жестов диспаритета цен присваивают доходы, отличающиеся по величине и характеру. Надбавки на удельные издержки первого сектора растут быстрее, поскольку они включают большую долю инсайдерской ренты, чем надбавки второго сектора. Эта разница цен отражает разницу власти над рынком различных группировок капитала. В сущности, это еще один пример превращения трудовой стоимости в цену производства, рассмотренного в первом параграфе. Неравенство в распределении инсайдерской ренты между отраслями отражает перераспределение прибавочной стоимости по силе капитала. Наиболее сильными являются группировки капитала, монополизировавшие экспортные производства с низкой степенью передела продукции: нефть, газ, металлы. Этой силой их наделил мировой рынок – они допущены на рынки развитых стран, на которых можно заработать американскую валюту.

¹⁰¹ Menshikov S. The Anatomy of Russian Capitalism. – Washington: Executive Intelligence Review News Service, 2007; Цаголов Г. Почему все не так? – М.: Экономика, 2012.

¹⁰² Цаголов Г. Модель для России. – М.: Международные отношения, 2010, с. 34.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Dzarasov R. Werewolves of Stalinism: Russia's capitalists and their system // Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. – 2011. – Vol. 19. – No. 1-2, pp. 471-479.

Здесь необходимо сделать одно важное отступление. Если бы капитал был просто «имуществом, приносящим доход», как думает либеральная экономическая наука, то преимущество в диспаритете цен должна была бы иметь обрабатывающая промышленность, в которой наблюдается большая капиталовооруженность труда. Однако в действительности капитал есть общественное отношение (труда и капитала), которое просто существует на основе тех или иных материальных носителей. Переход России к капитализму это переход именно к периферийному капитализму, вот почему относительный вес различных группировок капитала определяется не количеством металла на рабочего, а местом этой группировки в социальной системе. Капиталисты некоторых добывающих отраслей допущены на рынок центра, а капиталисты обрабатывающей промышленности – нет. Вот почему первые сильнее вторых, независимо от того, у кого сколько каких «вещей». Значительная часть производственных мощностей отечественной обрабатывающей промышленности обесценена сложившейся системой социальных отношений периферийного капитализма, и капиталом не является. В силу этого значительная и наиболее передовая часть основных фондов обрабатывающей промышленности, таких, например, как ядро машиностроения – станкостроение – обречена на уничтожение. *Диспаритет цен в российской экономике определяется ее подчиненным местом в мировом хозяйстве и является одним из важнейших инструментов трансформации ее социальной структуры и производительных сил.*

Компрадорский характер нашего крупного бизнеса, характерный для стран периферийного капитализма, проявляется в систематическом вывозе капитала за рубеж в виде низкорискованных сбережений. По данным Центрального банка России, чистый вывоз капитала из страны частным сектором составил в 1994–2010 гг. \$ 382,2 млрд (по данным платежного баланса РФ).¹⁰⁵ Только за первый квартал 2011 г. тот же показатель достиг \$21,3 млрд,¹⁰⁶ несмотря на рост цены нефти за тот же период на 27%.¹⁰⁷ Таким образом, отток капитала составляет

доминирующую черту российской экономики как в период кризисов, так и в период подъемов. Вместе с тем происходит и ввоз капитала из-за рубежа. Так, в 2006 и 2007 гг. ввоз капитала превысил его вывоз на \$41,4 и \$81,7 млрд соответственно.¹⁰⁸ При этом важнейшие позиции среди иностранных инвесторов в российскую экономику устойчиво занимают страны-оффшоры.

Кроме того, денежная политика российских властей определяется стремлением поддерживать валютный курс, выгодный нефтеэкспортерам. Деньги печатаются, исходя из необходимости покупать «избыточную» часть долларов, угрожающую привести к падению курса рубля и обесценению выручки экспортеров, обмениваемой на национальную валюту.¹⁰⁹ В целом в 2000-е годы, по мнению С. Сулакшина, из финансового оборота страны изъято 2,0 - 2,6 трлн долл.¹¹⁰

Следует учитывать и повышательное влияние денежной политики на ставку банковского процента плюс к высокой премии за риск. Ставка рефинансирования (rate of refunding) российского Центрального банка (ЦБ) достигала в середине 1990-х годов абсурдных цифр, превышавших 200%. В дальнейшем произошло ее снижение до уровня 10–13% в 2004–2007 гг. В тот же период на Западе ставка центральных банков была много ниже: в Германии она составила всего 3–5%, в США – 3,15–4,83%, в Канаде – 2,75–4,50%.¹¹¹ В кризисный период ставка рефинансирования ЦБ РФ снизилась еще больше и достигла уровня 8% к 2011 г.¹¹² Однако это намного выше, чем, например, в США, где ставка по федеральным резервным фондам (Fed Funds Rate) установлена на уровне 0,25%.¹¹³ В целом, эксперты оценивают политику «финансового таргетирования» (financial targeting) российских денежных властей как тормоз экономического роста.¹¹⁴ Таким образом, политика Центробанка подчинена интересам господствующей группировки крупного бизнеса, а не необходимости обеспечить совокупный спрос, достаточный для роста внутреннего рынка.

Следует учитывать, что вывоз капитала, валютный курс, эмиссия денег, бюджетная политика (включая как

¹⁰⁵ Центральный Банк РФ, 2011, Чистый вывоз/вывоз капитала частным сектором в 1994-2010 годах и I квартале 2011 года (по данным платежного баланса Российской Федерации), http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm, доступ осуществлен 20.04.2011.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Танас О. Капитал не следует основным направлениям // Газета.ru. – 2011. – Интернет-ресурс, 5 апреля, <http://www.gazeta.ru/financial/2011/04/05/3575249.shtml>, доступ осуществлен 20.04.2011.

¹⁰⁸ Центральный Банк РФ, op. cit.

¹⁰⁹ Так, в 2007–2008 гг. большая часть активного сальдо счета текущих операций (т.е. большая часть доходов от внешней торговли) изымалась государством в стабилизационные фонды. В результате финансирование затрат на вывоз капитала осуществлялось в основном за счет ввоза капитала в страну. При этом обратите внимание, что в 2007 г. вывоз капитала (и ввоз товаров) был осуществлен на сумму (136,2 млрд долл.), существенно меньшую, чем предложение валюты в целом (217,4 млрд долл.). Разница (81,2 млрд долл.) была куплена ЦБ для пополнения валютных резервов. В 2008 г. ситуация сложилась прямо противоположная. Вывоз капитала (и импорт товаров) (231,7 млрд долл.) существенно превзошел совокупное предложение валюты (118,0 млрд долл.). Разница была восполнена продажей части валютных резервов ЦБ (113,7 млрд долл.). Таким образом, покупка и продажа валюты ЦБ является балансирующей статьей, позволявшей поддерживать намеченный государством курс рубля, выгодный, прежде всего, экспортерам (Маневич В. Монетарный механизм экономического кризиса в России // Бизнес и банки. – 2009. - №9(942) - с. 1).

¹¹⁰ Сулакшин С.С. Модернизация экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина РФ, в: Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации. Материалы Всероссийского экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007). М.: Научный эксперт. 2007. - С. 79–80.

¹¹¹ Росстат, 2011, Россия и страны мира 2010, Статистический сборник, Москва: Федеральная служба государственной статистики, с. 308–309.

¹¹² Bankirsha.com, Ставка рефинансирования ЦБ РФ за все годы (с 1992 по 2011 год), <http://www.bankirsha.com/all-rates-of-refunding-of-the-central-bank-with-1992.html>, доступ осуществлен 21.04.2011.

¹¹³ Bankrate.com, 2011, Prime rate, fed funds, COFI, <http://www.bankrate.com/rates/interest-rates/prime-rate.aspx>, доступ осуществлен 21.04.2011. Ставка федеральных резервных фондов это главный инструмент, с помощью которого Федеральная резервная система США влияет на ставку банковского процента.

¹¹⁴ Варьяш И. ЦБ озабочился «финансовым таргетированием» // Бизнес и банки. – 2010. – № 38.

расходы государства, так и налоговую политику) представляют собой единый механизм. Он определяется положением, занимаемым страной в мировом хозяйстве. Выше уже подробно объяснялось, что страны периферии вынуждены вкладывать свои валютные сбережения в финансовую систему США. Россия не исключение. Как показано выше, вывоз капитала из страны значителен. Как и денежная эмиссия, он обеспечивает курс рубля к доллару, выгодный экспортерам (т.е. группировкам отечественного капитала, которые мировой капитализм наделил особой силой). Той же цели служит и бюджетная политика. Чтобы не осуществлять дополнительную эмиссию денег (совершенно необходимую, чтобы прекратить удушение отечественной обрабатывающей промышленности), требуется добиться бездефицитного бюджета. Для этого необходимо урезать государственные расходы (т.е. сокращать затраты: на оборону, образование, здравоохранение, науку, спорт, пенсионное обеспечение и т.д.) и повышать налоги (но не на личные доходы элиты, а на производственную деятельность той же обрабатывающей промышленности, машиностроения, сельского хозяйства). Когда многие наши патриотически настроенные специалисты возмущаются тем, что отечественный «стабилизационный фонд» вложен в американские ценные бумаги, они должны подумать о том, что нельзя просто вернуть эти средства в страну и вложить в развитие, оставив неизменным сам общественный строй периферийного капитализма.

Все эти процессы в совокупности определили ущербный характер инвестиционных стратегий российских компаний. Результаты некоторых опросов менеджмента предприятий свидетельствуют, что среди их участников доля компаний, предпринимавших какие-либо инвестиции в 1999–2011 гг., колебалась от 79 до 45 %. Примечательно, что даже в марте-апреле 2011 г., т.е. в условиях выхода из кризиса, 48 % опрошенных организаций не осуществляло никаких капиталовложений вообще.¹¹⁵ Не меньшее значение имеют качественные показатели инвестиций. В марте-апреле 2011 г. лишь 12,5 % обследованных предприятий делали инвестиции, позволяющие обеспечить полноценную модернизацию производства. Остальные осуществляли лишь частичное улучшение производственных мощностей (36 %), сохраняли достигнутый уровень (34 %) или же технологически деградировали (17 %).¹¹⁶ Данные официальной статистики¹¹⁷ предполагают, что в 2000-е гг. физический

износ, а не отставание от передовых технологий, был главной причиной замены оборудования российскими компаниями. При этом неэффективная техника продолжала широко применяться. Большинство российских предприятий (89 %) покупает отечественное новое оборудование¹¹⁸, которое менеджеры считают неконкурентоспособным в сравнении с импортным.¹¹⁹

А. Корнев дает ключ к пониманию этой проблемы, показывая, что машиностроение приспособилось к падению спроса предприятий на свою продукцию, упрощая выпускаемую технику, переходя к более примитивным технологиям, предлагая рынку более дешевое, но менее эффективное оборудование и т.д. Такая стратегия позволяет отечественным фирмам снизить затраты на инвестиции.¹²⁰ Согласно некоторым исследованиям «дешевые» варианты требуют в два-три раза меньших затрат на единицу капиталовложений, чем стратегии, предполагающие новое капитальное строительство и расширение производственных мощностей предприятий.¹²¹ Результатом ущербных инвестиционных стратегий российских компаний стало плачевное положение фонда основного капитала страны в целом.

Даже официальная статистика свидетельствует, что в российской промышленности доля нового оборудования возрастом до 5 лет не достигла уровня 1990 г.¹²²

А. Аганбегян считает, что средняя продолжительность жизни машин и оборудования в нашей экономике в целом составляет 18–19 лет вместо необходимых 7–8.¹²³ Согласно расчетам А. Корнева, «в настоящее время средний срок жизни машин и оборудования в промышленности, в том числе инвестиционном машиностроении, составляет более 21-го года, что вдвое больше аналогичного показателя 1990 г. (10,8 лет). ... В 2007 г. доля машин и оборудования в составе основных фондов промышленности, в том числе инвестиционного машиностроения, составила: в возрасте свыше 20 лет 51,5 %, 10-ти лет – 13,7, 15-ти лет – 25,9 %».¹²⁴ Эти оценки подтверждаются фактом спада в инвестиционном машиностроении, выпуск которого в 2008–2011 гг. составил всего 17 % от уровня 1985 г.¹²⁵

Изложенные факты красноречиво свидетельствуют, что в течение последних более двадцати пореформенных лет в России происходил процесс интенсивного насаждения отсталости путем не просто трансформации, а буквально ломки производительных сил и общественных отношений.

¹¹⁵ См.: Кувалин Д., Моисеев А. Российские предприятия в начале 2011 г.: текущие проблемы и инвестиционная ситуация // Проблемы прогнозирования. – 2011. – №5, с. 145.

¹¹⁶ См.: Там же.

¹¹⁷ См.: Инвестиционная активность организаций // Федеральная служба государственной статистики, Статистический бюллетень. 2012. № 1 (182), с. 25.

¹¹⁸ См.: Там же.

¹¹⁹ См.: Кувалин Д., Моисеев А. Российские предприятия в середине 2011 года: адаптация к посткризисным условиям // 2012. – №3, с. 140.

¹²⁰ См.: Корнев А. Потенциал роста промышленности: формирование стоимости машин и оборудования // Проблемы прогнозирования. 2005. № 1. С. 68.

¹²¹ См.: Гладышевский А.И., Максимцова С.И., Рутковская Е.А. Инвестиционные резервы экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2002. № 5. С. 16.

¹²² См.: Промышленность в России 2005: Стат. сб. / Федер. служба гос. статистики (Росстат). 2005. С. 128.

¹²³ См.: Аганбегян А.Г. Инвестиции в стратегии социально-экономического развития / Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации. Материалы Всероссийского экономического собрания (Москва, 19-20 октября 2007). – М.: Научный эксперт. 2007, с. 138.

¹²⁴ См.: Корнев А. Возможности ускоренного обновления активной части основного капитала отраслей промышленности // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 5, с. 147.

¹²⁵ См.: Корнев А. Производственный потенциал России: необходимость ускоренного обновления и перспективы // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 4, с. 30.

В самом деле, разрушение обрабатывающей промышленности и, прежде всего, основы самостоятельного развития страны – машиностроения, и повышение доли добывающей промышленности по своему существу однотипно с насаждением монокультурных производств для обслуживания центра мирового капитализма. Разрушение науки, образования, деградация рабочей силы и сокращение интеллигенции это создание резервной армии дешевого труда, дополняемое и приводимое к покорности резервной армией еще более дешевого труда из ближнего зарубежья. С другой стороны, наблюдается формирование компрадорского правящего класса, богатящего на своей роли посредника в эксплуатации дешевых ресурсов своей страны центром мирового капитализма. Это не что иное как преобразование социальной структуры общества в соответствии с потребностями периферийного капитализма.

Совокупный результат насаждения отсталости в наглядном виде демонстрирует рис. 6.

Рисунок в обобщенном виде демонстрирует влияние перехода к периферийному (или полупериферийному) капитализму на социально-экономическое развитие страны в сравнении с другими государствами. Как по рангу индекса человеческого развития, так и по ВВП на душу населения все бывшие советские республики без исключения отстали от СССР на порядок.¹²⁶ Среднее место для, так сказать, «капиталистического СССР» показывает Украина. Пропась между двумя общественными системами очевидна. Она лишь отчасти отражает огромную человеческую цену насаждения капитализма в нашей стране.

Такой результат, плачевный для всех бывших советских народов, далеко не случаен. Каковы бы ни были пороки СССР (которые автор данных строк полностью признает и целиком осуждает), он имел одно решающее преимущество перед любым обществом периферийного капитализма – никому не передавал безвозмездно сколько-нибудь значимую часть фонда труда своего народа. Это оказалось столь гигантским социально-экономическим и культурным преимуществом, что делает достижения советского общества недоступными ни для какого капиталистического общества, не принадлежащего к паразитическому центру. Именно в этом и состоит смысл рассматриваемого рисунка. Претензии антикоммунистов к СССР во многом (хотя и не во всем) справедливы. Однако жизнь умножает эти претензии на несколько раз и относит к капитализму. Такова ирония истории, позволяющей антикоммунистам плевать в свою страну только против ветра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный в данной работе материал позволяет сделать вывод о том, что капитализм как общественный строй является главным препятствием для самостоятельного развития стран и народов. Глубокой ошибкой как широкой публики, так и экономистов-специалистов является представление о мировом капитализме, как совокупности отдельных экономических организаций, развивающихся по своей воле. Эта иллюзорная картина

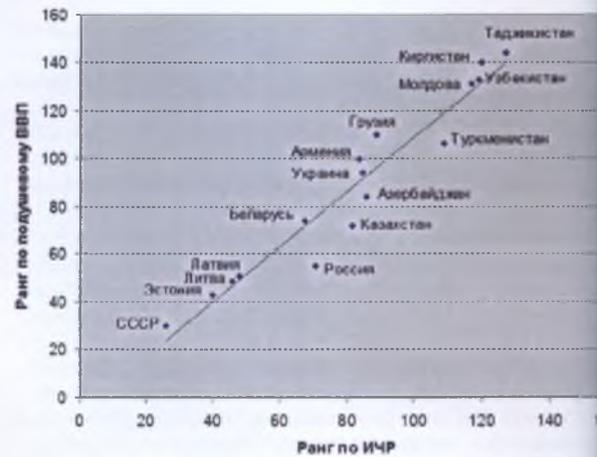

Рис. 6. Соотношение рангов индекса человеческого развития и подушевого ВВП СССР (1987 г.) и бывших советских республик (2007 г.) (ранги выстроены по убыванию показателей, т.е. место в левом нижнем углу самое лучшее)

Рассчитано по: Human Development Report 1990. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1990, p. 119; Human Development Report 2009. – Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 171-173.

мирового рынка как сообщества равноправных конкурентов внушается господствующей либеральной идеологией, чтобы затушевать иерархические по своей сути отношения господства и подчинения, на которых основано мировое хозяйство. Исторически развитые капиталистические страны достигали более высокого уровня экономического и социального развития, опираясь на эксплуатацию периферии. Эти отношения всегда выражались в концентрации в странах центра производств с высокой добавленной стоимостью. Такое превосходство т.н. развитых стран над развивающимися покоилось отнюдь не на преимуществах рыночной конкуренции, спецификации прав собственности или достоинствах рациональной предпринимательской культуры, а на насильственном подчинении более слабых в военном отношении народов. Проблема отсталости большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки есть феномен искусственный, навязанный народам этих государств. В самом деле, в момент своего столкновения с колонизаторами эти общества обладали более древними культурами, чем европейцы, располагали развитыми для своего времени диверсифицированными экономиками, обеспечивавшими высокую для той эпохи степень социальной стабильности.

Насильственное вовлечение этих народов в капитализм сопровождалось лишением их независимости, варварским разрушением их древних культур, разрушением традиционного образа жизни, включая привычные формы хозяйствования, массовым насилием над людьми. Результатом становилась глубокая трансформация этих обществ, охватывавшая как их производительные силы,

¹²⁶ В советской статистике ВВП понимался как «чистая продукция», т.е. вновь созданная стоимость материального производства без учета услуг. Это близко к современному показателю «производство реального сектора», не включающего целый ряд весьма весомых сегодня элементов, таких как спекулятивные операции.

так и общественные отношения. Разнообразие ремесел и видов сельскохозяйственного труда сменялось несколькими экспортными производствами на основе трудозатратных технологий. Для их снабжения дешевой рабочей силой осуществлялась искусственная пауперизация населения и выращивался компрадорский правящий, имущий класс. Подобной трансформации подверглись насчитывающие сотни миллионов человек народы с древними культурами. Человеческая цена капиталистической трансформации колоссальна, и не поддается точной оценке. Народы Индии, Китая, других стран Азии, Африки, Латинской Америки пережили настоящую историческую и демографическую катастрофу с их насильственным обращением в капитализм.

При этом создание тех или иных отдельных производств, даже если оно временно сопровождается высокими темпами экономического роста страны, не может считаться полноценным развитием. Ведь под этим термином надо понимать не просто создание тех или иных новых отраслей, а превращение общества из пассивного объекта чужой экспансии в полноправный субъект исторического процесса. Между тем, как показано выше, подчас бурное наращивание тех или иных производств в странах периферийного капитализма совершенно ошибочно принимают за развитие. В действительности, оно является частью трансформации этих обществ, насаждающих монокультурное производство в интересах центра. В истории периферийных стран неоднократно появлялись лидеры по темпам роста, которые считались примером успешного развития. В них устремлялся иностранный капитал и создавались новые производства. Однако рано или поздно они всегда наткнулись на «неожиданный» кризис, происходил исход иностранного капитала и глубокий экономический спад.

Эти неудачи и вообще феномен отсталости идеологи и экономисты развитых стран объясняли традиционализмом неевропейских обществ, отсутствием демократии, слабой защитой прав частной собственности, патернализмом, отсутствием конкуренции и другими причинами культурного и институционального порядка. Трудно сказать, чего в этом больше – невежества относительно «чужой» культуры и истории или глубокого чувства расового превосходства, столь свойственного элите западных обществ. В любом случае марксизм разбивает вдребезги эти чисто идеологические построения, вскрывая подлинную природу отношений господства и подчинения, сложившуюся в мировом хозяйстве. Как показано выше, она состоит в механизме безвозмездного присвоения капиталом центра мирового капитализма значительной части фонда труда народов периферии. Именно это обрекает подвергшиеся трансформации страны на неизбежное отставание от центра, несмотря на временный экономический подъем на основе трудоемких экспортных производств. Похоже, что сегодня это происходит с Китаем.

Только в свете реальной истории капитализма, т.е. в свете непрерывной борьбы его центра за подчинение и эксплуатацию периферии, можно понять трагическую историю и безысходность современного положения нашей страны. Хотя народники 19 в. не смогли достаточно внятно объяснить феномен зависимого, и потому отсталого, капитализма, но они первыми интуитивно верно уловили невозможность успешного развития при этом общественном строе. (Под успешностью понимается не просто продвижение в тех или иных отдельных областях – строительство железных дорог, рост экспорта зерна,

золотой рубль и т.д. – а обретение субъектности в истории, несомнимое с подчиненным положением страны в мире.) В этом их непреходящая заслуга.

Русская революция была величайшим в человеческой истории восстанием периферии против господства центра мирового капитализма, кульминацией многовековой борьбы угнетенных масс разных стран планеты. Какова бы ни была ее последующая судьба – деградация первого в мире государства трудящихся, окостенение в чудовищную сталинскую диктатуру, разложение и гибель советского строя – ничто уже не зачеркнет огромного позитивного влияния русской революции на ход мировой истории. Именно под ее давлением, например, капитализм мутировал в кейнсианскую, социал-демократическую форму. Но самым главным результатом русской революции стало то, что она положила границы эксплуатации центром периферии, поставив под угрозу сами основы существования капитализма. Это ясно показала Западу ближайшая сестра русской революции – китайская революция, а также ее многочисленные кузены и кузины в лице рабочих, коммунистических и национально-освободительных движений по всему миру. Именно этим, а не просто соперничеством двух сверхдержав, в конечном счете, объясняется «холодная война». В своем эпическом противостоянии с Западом Советский Союз вместе с коммунистами и национально-освободительным движением многих стран отстаивал право народов периферии самим определять свою судьбу, быть хозяевами в собственном доме, без чего никакое подлинное развитие невозможно.

На это можно возразить, подчеркнув отсутствие в СССР демократии и преследование инакомыслия, подавление им свобод в Восточной Европе, вторжение советской армии в Афганистан. Все эти и другие подобные события достойны серьезного осуждения. Однако они вытекают не из социалистических начал советского строя, а из его перерождения. Кроме того, при всей отвратительности темных сторон советской действительности, не они определяют место Советского Союза в истории. Это место определяется судьбой народов мира после краха СССР.

С устранением советского государства с арены истории в мире произошли: резкий спад рабочего и коммунистического движения, разгром национально-освободительной борьбы народов периферии, рыночные реформы в бывших социалистических странах, сокращение роли государства в развивающихся странах, подрыв роли профсоюзов и урезание роли государства в развитых странах. Иными словами, капиталистические общественные отношения испытали небывалый в истории стремительный рост и вширь и вглубь. Если «холодная война» действительно велась Западом против «морального зла коммунизма», то в новых условиях капитализм должен был развернуть, наконец, свои созидательные силы, обеспечив рывок развития отсталых стран, качественно повысив благосостояние народов мира, сделав жизнь людей заметно более мирной и свободной. А что же произошло в действительности? Как показано выше, усилилось финансово-спекулятивное перерождение капитализма, повысились масштабы переноса производства за рубеж, резко усилилась эксплуатацию периферии, началось стремительное «скольжение» мира к нынешнему кризису. Эти факты мировой истории решают вопрос о природе советского строя и характере «холодной войны». В то же время они решают и вопрос о современном российском капитализме.

Цена поражения в борьбе за самостоятельный путь развития – утрата самостоятельности. Этим определяется вектор истории современной России вообще и характер ее экономики в частности. Выше показано, что двадцать пореформенных лет российской истории это трагедия ломки по живому, настоящего насаждения отсталости. Подобно большинству других стран мира Россия в момент вторжения капитализма была самостоятельным государством с диверсифицированной и относительно эффективной экономикой. Сегодня это страна с гипертрофированной в пользу сырьевого сектора структурой, обедневшим населением и компрадорской буржуазной элитой. Основой экономической жизни современной России является безвозмездное отчуждение значительной части фонда труда в пользу центра мирового капитализма. В силу этого совершенно естественно, что частная собственность основана на внеэкономическом принуждении (инфраструктура контроля). Внеэкономическое принуждение это эвфемизм для более точного слова – насилие. Выдернете его из российской частной собственности, и она перестанет приносить доход.

Естественно и то, что основанный на насилии капитализм принимает авторитарную политическую форму. Хотя бесславная миссия поддерживать авторитарную власть компрадоров выпала на долю Владимира Путина, но дело вовсе не в том, что он когда-то занимал сравнительно скромный пост в КГБ. Похоже, что «марксуса»¹²⁷ вместо марксизма не сделала из него ни настоящего коммуниста (т.е. борца за интересы рядовых людей против власти паразитических элит любой природы), ни,

хотя бы, настоящего государственника. Дело, конечно, не в нем, а в системе периферийного капитализма. Если основой экономической жизни является эксплуатация своего населения в интересах центра мирового капитализма, то это население надо держать в ежовых рукавицах. Если бы у людей при новом режиме были маломальски значимые права, то они воспользовались бы ими, чтобы перестать платить дань заокеанским хозяевам. Что случилось, когда Верховный Совет РСФСР выразил законное возмущение населения страны реформами, насаждавшими отсталость, все хорошо помнят. Либеральная интеллигенция и оппозиция проявляют смесь лицемерия с недомыслием, когда возмущаются профанацией президентских выборов, контролем над СМИ и другими фактами зажима демократии. Ибо принять капитализм, значит принять сопутствующую этому строю зависимость, а следовательно, и необходимость неизбежного насилия над своим народом.

В свете всего сказанного в работе идея национально ориентированного капитализма не выглядит реалистичной. Капитализм это не совокупность отдельных национальных хозяйств, вольных самостоятельно выбирать путь своего развития. В таком мире конечная цель самого процесса – обретение субъектности – была бы задана с самого начала. В реальности капитализм это целостная система отношений господства и подчинения, основанного на обслуживании центра дешевым трудом периферии. Так было с самого начала истории капитализма. Самостоятельность сохраняли лишь докапиталистические общества, тут же утрачивая ее, как только их агрессивно

¹²⁷ Так в обиходе назывались занятия по «марксизму-ленинизму», которые все начальники подразделений советских силовых структур должны были проводить с подчиненными.

поглощал новый строй. Сегодня, в условиях финансовализации, самостоятельный, национально ориентированный капитализм менее возможен, чем когда-либо. Ведь капитализм центра, по большому счету, отбросил производственные функции, предпочтя преимущественно паразитическую роль. Между тем, под национально ориентированным капитализмом понимается разворот бизнеса к развитию своей страны. Это предполагает, прежде всего, прекратить отчуждение национального фонда труда в пользу центра. Мало того, что для этого надо сперва преодолеть власть компрадорской элиты, что само по себе задача как минимум революционного национально-освободительного движения, а не мирных реформ. Необходимо справиться и с еще более могущественным противником. Ведь, балансируя на грани бездны мировой рецессии, центр не может позволить ни одной крупной стране периферии прекратить безвозмездно спонсировать себя.

То, что ожидают от национально ориентированного капитализма, недостижимо при капитализме вообще. За рамки ущербного, зависимого развития не удалось вырваться ни царской России, ни Аргентине 19 в., ни современному Китаю. Тем более не удастся и нынешней России, закрепившей глубокую трансформацию своего общественного строя недавним вступлением в ВТО. Все черты национальной ориентации развития – выход из экономической зависимости, создание целостного народнохозяйственного комплекса, обеспечение обороноспособности страны, подъем науки, образования и здравоохранения, в конечном счете, способность завоевать и отстаивать независимость страны – все это достижения советского строя, а не капитализма, хотя бы и национально ориентированного. Они достались дорогой ценой гражданской войны и интервенции, нацистского нашествия, «холодной войны». Сама эта цена опровергает

возможность национальной ориентации при капитализме. Ожесточение, порою переходившее в озверение (фашизм), с которым мировой капитализм вел борьбу против Советского Союза, говорит о том, что этот строй в принципе не может мириться с самостоятельным развитием народов.

Советская попытка вырваться из отсталости завершается провалом с произошедшим на наших глазах перерождением китайской революции. Но кризис мирового капитализма открывает новую страницу истории. Она пишется страданиями сотен миллионов людей по всему миру. Преодолевая различия рас, языков и культур, эти страдания показывают им единство их трагической судьбы перед лицом мирового капитала. Еще никогда в мировой истории капитализм не создавал такой поистине интернациональной армии труда, спянной глобальным рынком в единое целое. Именно в этом и состоит сила «миллионов рабочего люда» (по выражению русского рабочего-революционера 19 в. Петра Алексеева), даже если они сами не вполне еще ее осознают. Пробуждение миллионов к общему делу это и есть гегелевский «прогресс в осознании свободы» сегодня. Его не может обеспечить национальный капитализм. Его может обеспечить только интернациональный социализм.